

Всемирная история

**Александр ФЕТИСОВ
Алексей ЩАВЕЛЕВ**

ВИКИНГИ

МЕЖДУ СКАНДИНАВИЕЙ И РУСЬЮ

Всемирная история (Вече)

Александр Фетисов

**Викинги. Между
Скандинавией и Русью**

«ВЕЧЕ»

2009

Фетисов А. А.

Викинги. Между Скандинавией и Русью / А. А. Фетисов — «ВЕЧЕ», 2009 — (Всемирная история (Вече))

ISBN 978-5-444-49083-9

Хорошо ли мы знаем, кто такие викинги – эти великие и суровые воители Севера? Какую роль они сыграли в истории Руси? Уже написано немало книг о викингах, об их боевых походах и океанских странствиях – вплоть до Гренландии и Северной Америки. Но с каждой, неизвестной прежде сагой (а именно такая встреча ожидает читателя в этой книге!) мы открываем для себя заново забытый мир, в котором слагают свои песни седые скальды, и воины бестрепетно встречают смерть, зная, что им завещана светлая Валгалла.

ISBN 978-5-444-49083-9

© Фетисов А. А., 2009
© ВЕЧЕ, 2009

Содержание

I. Предисловие	6
1. «Сага о йомсвикингах» как литературный памятник и исторический источник	6
2. Событийная канва истории йомсвикингов	8
II. Феномен дружины	10
1. Род и дружина – единство и борьба противоположностей	10
2. Типы воинских объединений	13
3. Феноменология героя	19
4. Дружинные лагеря – воплощенный миф	22
5. Йомсвикинги как боевое братство	26
6. «Сага о йомсвикингах» и ранняя древнерусская дружинная культура	29
Сага о йомсвикингах	50
I	50
II	52
III	53
IV	54
V	56
VI	57
VII	58
VIII	59
IX	60
X	61
XI	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

А. А. Фетисов, А. С. Щавелёв

Викинги. Между Скандинавией и Русью

© Северянин А.С., Щавелев А.С., перевод на русский язык, 2009

© Щавелев А.С., Фетисов А.А., 2009

© Шинаков Е.А., Щавелев С.П., Щавелев А.С., Литовских Е.В.,
Фетисов А.А., Мурашева В.В., приложения, 2009

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

I. Предисловие

1. «Сага о йомсвикингах» как литературный памятник и исторический источник

«Сага о йомсвикингах» была написана около 1200 г. (но не позднее 1230 г.) на древнеисландском языке¹. Но в этой саге описываются события X в., происходившие в Англии, Скандинавии и на южном побережье Балтийского моря. Это произведение полностью до сих пор не переводилось на русский язык. Отрывки из этой саги были пересказаны в книге А.Ф. Гильфердинга «История балтийских славян»², где представлена суммарная версия политических событий на Балтике в эпоху викингов, включая историю легендарного города викингов Йомс-борга. Небольшой отрывок из этой саги помещен в книге Т.Н. Джаксон³, в отрывке фигурируют лишь географические термины, связанные с этим последним регионом.

Кроме собственно «Саги о йомсвикингах», те же легендарные воины упоминаются также в других произведениях древнескандинавской литературы – «Саге об Олаве, сыне Трюггви», входящей в «Круг Земной» Снорри Стурлусона⁴, «Пряди о Стюрбьерне, шведском герое»⁵, хронике Саксона Грамматика, своде саг «Красивая кожа», «Саге о Кнютлингах», «Драпе о йомсвикингах» оркнейского епископа Бьярни Кольбейнссона, исландских родовых сагах. Ряд самых развернутых упоминаний связан с разными версиями «биографии» Олава Трюггвасона. Возможно, все эти отрывки и версии истории йомсвикингов восходят к одному сказанию⁶. Источником для последнего стали, видимо, прозаическая устная повествовательная традиция и скальдическая поэзия.

Перевод с английского осуществлен по изданию: The Saga of the Yomsvikings / Ed. by N.F. Blake. London, 1962.

Жанровая разновидность саги является предметом дискуссий, сага может относиться как к «сагам о древних временах», так и к «королевским сагам», но ряд исследователей отмечает, что она достаточно специфична, и предлагает назвать ее «политической сагой». С нашей точки зрения, такое определение несколько абстрактно и тавтологично, поэтому мы обозначим «Сагу о йомсвикингах» как «дружинную сагу».

Предлагаемый текст мы рассматривали как прекрасный повод познакомить читателя с миром дружин раннего Средневековья и более ранней древности, причем не ограничиваться хрестоматийными примерами и интерпретациями (вроде описаний Корнелия Тацита), а рассмотреть нетривиальные, еще не вошедшие в академический канон идеи, мнения, гипотезы и догадки. Часть из них, возможно, будет отброшена в ходе дальнейших исследований. Что касается собственно «Саги о йомсвикингах», то ее критическое издание и перевод оригинального исландского текста – дело будущего. Данная же публикация преследует исключительно художественные и популяризаторские цели.

¹ См. обзорную энциклопедическую статью: Halldorsson O. Jomsvikinga sage // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia / Ed. P. Pulsiano. New York, L., 1993. P. 343–344.

² Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян // Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. IV. СПб., 1874.

³ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1993. («Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы»). С. 15, 226–227, 237.

⁴ Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1995. С. 119–125.

⁵ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1993. С. 236–238.

⁶ Blake N.F. Introduction // The Saga of the Yomsvikings / Ed. by N.F. Blake. London, 1962. P. XV–XXI.

Вторую часть книги составили научные «кейс-стадиз» вопросов, связанных с проблематикой изучения дружин и дружинной культуры: имени черниговского князя скандинавского происхождения, погребенного в знаменитом кургане Черная могила, специфических воинских амулетах, изображающих змея/дракона, роли элитных воинских формирований в становлении ранних государств, формулам клятв русско-византийских договоров, правовой культуре древнеисландского общества, образах «волшебных зверей» в сагах, фигурках «божков» – редком типе амулетов воинов раннего Средневековья.

Авторы-составители благодарят Сергея Никольского, и особенно Елену Литовских, за советы и подсказки по прояснению реалий жизни древних скандинавов, переводу и транскрипции топонимов и прозвищ.

Идея перевести и прокомментировать сагу с учетом истории древнерусской дружины подсказана нам С.П. Щавелевым, ему авторы и посвящают эту книгу.

2. Событийная канва истории йомсвикингов

Сага отчетливо распадается на три части: предыстория появления Йомсборга, отражающая историю складывания Датского государства; история складывания братства йомсвикингов; битва при Хьерунгаваге и ее итоги. Первый и последний разделы содержат ряд фантастических элементов (эпических и сказочных мотивов и «бродячих сюжетов»). Второй же раздел отличается исключительно реалистическими описаниями характеров вождей дружины и обстоятельств их приема в нее.

Начало саги описывает первые века Датской державы, легендарное время, которое, с одной стороны, практически не освещено источниками, с другой – отдельные моменты, известные по сагам и хроникам, находят свое подтверждение в археологическом материале и иностранных свидетельствах⁷. Рассмотрение меры историчности и вымысла каждого такого сообщения требует специального источниковедческого анализа.

Кульминацию и финал саги составляет описание сражения в заливе Хьерунгаваг. Точная датировка этой битвы остается невыясненной. Примерно дата сражения приходится на промежуток между 974 (в этом году Харальд Синезубый и ярл Хакон выступают как союзники против Германии) и 983 или 995 гг. Некоторые исследователи предлагают в качестве наиболее вероятной даты 994 г. В этой битве сошлись войска датчан и их союзников вендов (в том числе и йомсвикингов) и норвежское войско ярла Норвегии Хакона и его сына Эйрика. Битва произошла после ссоры конунга Харальда Синезубого с сыном Свейном и гибели Харальда. Именно в этой битве йомсвикинги впервые заявили о себе в качестве сильной боевой единицы. В этом столкновении вождь йомсвикингов Пальнатоки выступал на стороне Свейна Виллобородого. Поскольку битва произошла после гибели конунга Харальда, можно предположить, что реальной причиной битвы при Хьерунгаваге стал очередной отказ ярла Норвегии Хакона выплачивать дань Дании, обусловленный гибелью его «сюзерена». Впрочем, с политической подоплекой мотивов вполне согласуется веселая «конспирологическая» интерпретация, рассказанная в «Саге о йомсвикингах», кстати, похожую версию излагает и Снорри Стурлусон. Победа норвежцев сделала ярла Хакона вполне самостоятельным и уважаемым правителем. Его правление закончилось только после возвращения в Норвегию Олава Трюггвасона, который сумел захватить престол.

В следующей крупной битве за норвежский престол снова «проявил себя» герой «Саги о йомсвикингах» Сигвальди, бежавший с места сражения против Хакона и притворно присоединившийся к Олаву Трюггвасону перед его битвой с воинством конунгов Дании и Швеции Свейна и Олава Шетконунга, а также ярла Норвегии Эйрика. Альянс трех правителей нанес поражение Олаву Трюггвасону, который прыгнул за борт и, судя по всему, погиб. Сигвальди же, обманув «своего» конунга, в битву так и не вступил и, видимо, перешел в итоге на сторону победителей. Эта битва «трех конунгов» датируется 999 или 1000 г.

В «Пряди о Стюрбьерне, шведском герое» рассказывается, что примерно в 990-е гг. (может быть, в конце 980-х гг.) власть в Йомсборге получил шведский викинг из королевского рода Стюрбьерн Сильный. После этого он во главе войска датчан и йомсвикингов пытался завладеть шведским престолом, но был разбит своим дядей шведским конунгом Эйриком Победоносным на полях Фюри рядом с Уппсалой. В этой битве Стюрбьерн погиб. История гибели Стюрбьерна построена на основе мотива вмешательства Одина, которому Эйрик приносит жертвы и обещает спустя десять лет после битвы явиться в Вальхаллу лично, т. е. принести в жертву и себя. Опустошение в рядах йомсвикингов производит

⁷ См. одно из самых удачных популярных изложений древнейшей истории Скандинавии: Джонс Г. Викинги. Потомки Одина и Тора. М., 2005.

«дождь из стрел Одина». Описание этой битвы во многом напоминает описание битвы при Хьерунгаваге. Видимо, в разных сагах отражалось общее мнение, что йомсвикингов можно победить с помощью колдовства и вмешательства сверхчеловеческих существ (троллей, колдунов, асов). Характерен и пассаж Снорри Стурлусона: «считалось большой поддержкой, если йомсвикинги присоединялись к правителю». Здесь же явно подчеркнут и исключительно независимый характер этого воинского объединения⁸.

Позже в Йомсборге «правил страной Вендов» Свейн, сын Кнута Могучего. Можно предположить, что к этому времени братства воинов-йомсвикингов в прежнем виде уже не существовало. Окончательно Йомсбург был разрушен конунгом Магнусом Добрым в ходе кампании по усмирению данников-вендов и борьбе с пиратами. Этот поход наверняка положил конец существованию легендарной дружины. В аналогичной кампании Олава Святого против «викингов, которые с большими дружинами постоянно прибывали в походах, называли себя конунгами, хотя они и не правили землями», участвовал брат Сигвальди экс-йомсвикинг Торкель Высокий. Видимо, многие йомсвикинги перешли на службу к конунгам, часть, возможно, попала в войско Кнута Могучего и вошла в состав его «хускерлов»⁹.

Степень историчности многих событий и реалий, упоминаемых в «Саге о йомсвикингах», вполне понятно, вызывает сомнения и споры исследователей. Хотя именно та часть произведения, что посвящена образу жизни йомсвикингов и их обычаям, была интерпретирована А.Я. Гуревичем как художественная типизация реальных отношений и порядков дружинных лагерей Дании¹⁰. Исходя из данной «архетипической модели», мы вправе предположить, что эта сага дает нам редкую возможность увидеть если и не сами порядки, в действительности царившие в дружинных лагерях Скандинавии и Восточной Европы эпохи викингов, то, по крайней мере, тот идеал, к которому стремились тогда эти воины и их вожди.

⁸ Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1995. С. 158.

⁹ Корьев А.А. Наемная гвардия хускерлов короля Кнута Великого (к вопросу о структуре англосаксонской знати в первой половине XI в.) // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Вып. 3. Л., 1980. С. 21–26.

¹⁰ Гуревич А.Я. Походы викингов // Гуревич А.Я. Избр. труды. Т. 1. Древние германцы. Викинги. М. – СПб., 1999. С. 116–121; См. последнее издание: Гуревич А.Я. Походы викингов / Под ред. Т.А. Пушкиной. М., 2005. С. 75–86. Он же. Военные лагеря // Словарь средневековой культуры. М., 2001. С. 76–77.

II. Феномен дружины

1. Род и дружина – единство и борьба противоположностей

Древнее традиционное общество изначально строилось на разных формах родового коллективизма, основанного на строгом горизонтальном разделении социума на родственные кланы, фратрии, отдельные подгруппы. По социальной вертикали коллективы дробились на возрастные классы и страты, в зависимости от опыта его членов, уровня личного влияния и степени вовлеченности в престижную экономику. Сама по себе родовая система отличалась редкой устойчивостью и способностью к регенерации после природных и военных катаклизмов. Даже после запуска механизмов политогенеза – процесса складывания государства, классового общества и конституирования систем господства – родовые структуры сохранялись в качестве низовой ячейки самоорганизации людей и лишь отчасти трансформировались в общинные формы коллективизма.

Наиболее адекватным определением понятия «род» является его расширительная трактовка, предложенная выдающимся советским этнографом С.А. Токаревым: «Род – группа людей, соединенных кровным родством и ведущих свое происхождение от общих предков». Род создавался на основе единства родственных («кровных») уз и определенной территории («почвы»), которые оформлялись символически с помощью мифов о предках (могучих зверях и великих героях), инициаций, обрядов перехода из одного возраста в другой. Повседневность родовой жизни была жестко регламентирована и подчинена единым циклическим ритмам, согласованным с природной средой.

Между тем внутри родового общества всегда существовал фактор дестабилизации, периодически возникали катаклизмы, ведущие к разрывам традиционных связей, провоцирующие отмену действующих норм и порядков. Практически с самых первобытных времен *война* (нападение на соседей, защита своей территории, опасные массовые охоты) и *странствие* (миграция племени, отселение молодых людей при перенаселении территории, поиск новых угодий) становились причиной смены форм власти и основными двигателями социальной мобильности. «Зов дальних странствий» и «дух воинственности» были ментальными разрушителями циклов жизни рода и вносили стохастический момент в социальные системы. Эта диалектика «рода» и «воюющего отряда», комитата, наверное, одна из древнейших социокультурных оппозиций, восходящих к глубокой древности, и коренящихся в еще этологической разнице людских характеров и психотипов¹¹. В германской мифологии такое противопоставление ярко проявляется в первоначальной конкуренции хтонических и лунарных божеств ванов (покровителей культа предков, аграрных циклов и семейной солидарности) и солярных героических асов, отличающихся отвагой и сексуальной распушенностью¹². Похожая дихотомия наблюдается в экзистенциальном выборе, предложенном великому герою греков Ахиллу, который мог прожить долгую жизнь «статусного» мужа и царя или выбрать краткий век, полный славы и приключений.

Военные объединения мужчин и юношей вокруг самых опытных воинов и вождей вначале создавались только ситуативно, а военный поход был одним из элементов инициации,

¹¹ Дольник Р.В. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб. – М., 2004.

¹² Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 107.

проверки готовности юношей выполнять мужские обязанности и защищаться от нападений чужаков. В принципе многие вполне уважаемые члены племени могли участвовать лишь в нескольких первых набегах и после вступления во взрослую жизнь не проявляли интереса к воинской славе.

Однако постепенно выкристаллизовывались сообщества индивидов, постоянно занимающихся военным промыслом (как правило, своеобразным «коллекционированием подвигов» и грабежом). Вопреки распространенному стереотипу их общественный статус в мирное время оставался не таким уж и высоким. Постоянный риск и высокая смертность делали военную стезю малопривлекательной с точки зрения общественной пользы, особенно когда речь шла о военном искусстве ради военного искусства. Принципиально ситуация менялась в периоды военной опасности и массовых вынужденных миграций. Именно в такие переломные исторические моменты воинские объединения становились постоянным институтом, устойчивой профессиональной группой, востребованной и почетной.

В качестве наиболее известных примеров можно привести рост престижа постоянных военных отрядов у индейских племен после столкновения с белыми колонизаторами (классическими примерами являются племена Северо-Востока и Великих Равнин Северной Америки). Не менее ярким историческим примером может служить история дружин древних германцев. Коренные изменения в военном деле у них произошли только после столкновения с Римской империей, что ярко отразилось в римских источниках. Сравнивая тексты Цезаря и Тацита, можно заметить, что на рубеже эр, т. е. в период между походами Цезаря и описанием германцев Тацитом (примерно 150 лет), у германцев оформился институт постоянной дружины¹³. Практически ясно, что появление дружинной организации у германских племен на рубеже эр не было результатом эволюции общества, а было ответом на внешний «вызов» Рима. В кочевом мире Евразии таким постоянным вызовом было соседство с другой великой империей – Китайской, именно на ней оттачивалось военное искусство гуннов (хунну), тюрков, монголов. Сходную эволюцию позже прошли славяне, начавшие с мирной колонизации Восточной Европы, обезлюдившей в хаосе Великого переселения народов, а закончившие созданием ярких дружинных культур антов и склавинов, попавших на «балканский перекресток»¹⁴, Великой Моравии¹⁵, полабских протогосударств¹⁶. Сам процесс освоения славянами навыков войны тонко подмечен византийским писателем Иоанном Эфесским (VI в.): «И они \славяне\ обогатились и приобрели золото, и серебро, и табуны лошадей, и много оружия. И они выучились воевать лучше, чем ромеи, \они\, люди простые, которые не осмеливались показываться из лесов и защищенных деревьями \мест\ и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев, а именно это – метательные копья». Аналогичная эволюция оценки военных способностей антов и склавинов видна из сравнения наблюдений византийских авторов VI в. Прокопия Кесарийского и Маврикия. Первый считал самыми опасными противниками Византийской империи вандалов, готов и гепидов; второй (примерно через 50 лет или более) – славян¹⁷.

Вторым путем военизации архаичного общества было создание постоянных воинских формирований при развитии политического строя, формировании репрессивного аппарата

¹³ Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 2003. С. 152–169.

¹⁴ Седов В.В. Анты // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных государств и народностей. М., 1987. С. 16–22.

¹⁵ Рутткан А. Войско и вооружение в великоморавский период // Великая Моравия и ее культурно-историческое значение. М., 1985. С. 143–159.

¹⁶ Именно с этим регионом в основном связаны немногочисленные славянские этнонимы, в которых отразились боевые (и охотничьи) характеристики – «лютичи», т. е. «лютые», «свирепые» и «вильцы», т. е. «волки».

¹⁷ Нефедкин А.К. Тактика славян в VI в. (по свидетельствам ранневизантийских источников) // Византийский временник. М., 2003. Т. 62. С. 79–91.

для государственной эксплуатации и подавления подданных, что вело к появлению вооруженной свиты вокруг первых лидеров¹⁸.

Возвращаясь к Великому переселению народов, можно сказать, что для этносов Евразии, особенно европейских, этот период стал переломным, именно «война всех против всех» этого времени стала «повивальной бабкой» феодализма, истоком средневекового рыцарства и его культуры. На периферии классических феодальных государств, возникших на обломках Римской державы, вместо господства рыцарства утвердился более примитивный, но не менее эффективный дружинный строй. Рассматривая государства Евразии как одну «большую феодальную формацию»¹⁹, можно говорить о разных типах феодального строя: «рыцарском феодализме» (или вассально-ленном) стран Западной Европы, «дружинном феодализме» европейской северной и восточной периферии и «кочевом феодализме» Степи. Отметим в этой связи, что нами «феодальность» понимается не в качестве формационного определения или способа производства, а как универсальный тип властных отношений, политического режима, основанного на личных связях управляющих и управляемых, патерналистских и служебных отношениях внутри элиты и между стратами, наконец, феодальными являются определенные типы военной знати – рыцарство, дружина, орды «богатуров»²⁰.

Главное же, что объединяло «богатуров» и «нойонов» степей, дружинников скандинавского мира и Руси и рыцарей Западной Европы – пристрастие к войне. Война была своеобразным интегралом «благородного образа жизни»²¹, отличительной чертой элиты и почти главным смыслом жизни тех, кто считал себя «сословием» «сражающихся»²².

¹⁸ Подробнее об этом см. статью Е.А. Шинакова в настоящем издании.

¹⁹ Bloch M. Pour une l'histoire comparée des sociétés européennes // Bloch M. *Mélanges historiques*. Paris, 1963. T. I. P. 16–40; Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972; Кобищанов Ю.М. Теория «большой феодальной формации» // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 5–17.

²⁰ Такое понимание феодализма см. в работах: Баландье Ж. Политическая антропология. М., 2001. С. 96–99; Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 429–440; Кареев Н. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России? СПб., 1910. Ср.: Stenton F.M. *The First Century of English Feudalism 1066–1166*. Oxford, 1961.

²¹ Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 286–292; Харитонович Д.Э. Война в Средние века // Человек и война (война как явление культуры). М., 2001.

²² Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом. М., 2000.

2. Типы воинских объединений

Итак, разбирая генезис военных социумов, истоки военных отдельных, специальных формирований, видимо, надо искать в «мужских союзах» родоплеменного строя, частично сохранившихся и в более позднее время первых сложных вождеств и ранних государств²³. Мужские союзы зафиксированы этнографически в большинстве регионов мира²⁴. В исторических источниках прослеживаются данные о воинских мужских союзах греков²⁵, скифов²⁶, персов²⁷, кельтов, более спорные материалы дает поздний славянский фольклор – былины и исторические песни²⁸.

Эти союзы существовали в качестве специфических мужских групп, кооптирующих всех достойных членов рода, проводящих инициации мальчиков, становящихся мужчинами, и вместе сражающихся. «Тайные союзы» были «тотальными институтами», в рамках которых происходила мужская социализация (инициация), формировалась культура маскулинности, идеология войны, установка на воинственность и ценностные ориентиры вооруженности²⁹. Именно эта магма биологической агрессии, моделей брутального поведения, полуавтоматизированных стандартных реакций и типичных оценок, эмоций, переходящих уже в сферу бессознательного, ментального, сформировала субкультуру и этос «человека военного». Стоит подчеркнуть, что если с точки зрения структуры и принципов организации «протоармии» доисторической древности, конечно же, серьезно менялись с течением времени, то с точки зрения субъективно-деятельностных характеристик, функциональных моментов, связанных с осуществлением систематического насилия против «себе подобных», военные отряды всего мира во все времена демонстрируют яркие черты сходства. Точнее, типы военных организаций могут быть сведены к небольшому числу основных социологически и технически обусловленных вариантов, крайними полюсами которых были «массовая армия» и «элитная гвардия».

Дружина, как и рыцарство, была наследницей таких мужских «братств». Изначально, как уже было сказано, время войны было очень ограничено, особенно, сезонно, вступление на «тропу войны» было моментом выпадения группы людей из повседневной жизни, экстремальным опытом. Затем часть индивидов задерживалась в состоянии войны на более долгое время, чем то было необходимо для подтверждения их мужественности. Характерно сообщение римского историка Корнелия Тацита о германском племени хаттов, юноши которых в период инициации отращивают волосы до момента убийства врага, а некоторые принимают обет носить железные обручи (еще, видимо, знак рабов и вообще низкостатусных личностей) до того, как совершат подвиг. Тацит уточняет, что многие хатты носят железный обруч воина до седины. Именно таких носителей этого знака можно считать уже профессиональными воителями, протодружинниками. Аналогичным образом индейцы Северной Америки

²³ См. подробнее: Михайлин В. Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005.

²⁴ Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М.-СПб., 1999;

²⁵ Андреев Ю.В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004.

²⁶ Иванчик А.И. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // Советская этнография. 1988, № 5. С. 38–48.

²⁷ Ксенофонт. Киропедия. М., 1977. С. 290.

²⁸ Липец Р.С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969. 97–99; Балушок В.Г. Древнеславянские молодежные союзы и обряды инициации // Этнографическое обозрение. 1996. № 3; Контев А.В. Fornicator immensus – о «гареме» киевского князя Владимира Святославича // Russian history / Histoire russe. Vol. 31. № 1–2. 2004. P. 1–37.

²⁹ Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М.-СПб., 1999; Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы и социокультурные традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.

носили различные амулеты (пояса, головные уборы), обладание которыми требовало отказа от бегства в бою или поведения «наоборот», которое предполагало наступление тогда, когда остальные воины отступают. Трансформированным мужским союзом может считаться греческая эфебея, в которой юноши готовились стать членами полиса и гоплитами. Единым союзом воинов были спартиаты, державшие в страхе периодических охот на людей (криптий) поработенных илотов³⁰. Недаром Арнольд Тойнби сравнивал отряды спартиатов со сторожевыми псами, а илотов и перизков с пасомым стадом³¹. Такую же форму союза юношей имело конное подразделение целеров в Древнем Риме – их название происходило от слова *celer*, т. е. «быстрые».

В скифо-сарматском и, шире, индоиранском мире союзы воинов-юношей и бойцов-мужчин, чьими тотемами были собаки и волки, играли едва ли не ведущую роль в воинской организации и в системе власти³².

Устойчивость дружинной организации и рост влияния военных вождей происходят в случаях, когда существуют источники богатой добычи (развитые, но слабые соседи или пути транзитной торговли, т. е. возможности для систематического и в перспективе «институализированного» рэкета³³). В условиях высокой ликвидности военного дела и грабежа³⁴ все процессы политогенеза резко ускоряются. Итак, дружина (лат. *comitatus*) появляется по мере накопления в социуме индивидов с девиантным «супермужским» поведением. Появление нового социального слоя, касты спутников военного вождя, претендующих на власть и почести, требует новых форм идеологической консолидации и легитимизации – это добровольное объединение под началом вождя, взаимная верность, кооптация пассионарной молодежи, ритуал принесения клятвы, повышенная мобильность, особые внешние аксессуары, культ оружия и силы.

Специфическим типом «боевого комитата» стало рыцарство Западной Европы. Виртуозное обобщение возможных истоков и протоформ средневекового рыцарства продемонстрировал Франко Кардини, отметивший, что класс феодалов в варварских королевствах Западной Европы сложился как специфическая социетарная группа конных тяжеловооруженных воинов³⁵. Техническими условиями появления рыцаря были появление особой породы коней, технологий сбруи (узда, стремя), специфических доспехов (кольчуга, пластинчатый доспех) и оружия (тяжелый меч, длинное копье). Одновременно был сделан социальный и даже социально-психологический выбор между всеобщей вооруженностью населения и «войны народных масс» (характерных и для Рима, и для варваров) в пользу войны элиты. Тяжеловооруженный человек на коне после обретения определенного мастерства становился на редкость эффективной боевой единицей. Вместе с тем одновременно ему требовались повышенные ресурсы для обеспечения своего участия в походах – несколько лошадей (боевых и тягловых), слуги, обслуживающие его, оруженосцы, страхующие его и восполняющие его слабые стороны. Необходимо было также оплачивать работу высококвалифицированных мастеров, без которых невозможно было получить подобающую экипировку. Однако опыт постримской истории показал, что такой супервоин часто превосходил по своим боевым качествам вооруженную группу людей, гораздо больше по численности, чем вся его обслуга. Но такой воин должен был быть постоянно в боевой готовности, единственным его занятием становились тренировки – турниры, охота, войны, распри с соседями

³⁰ Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 115–154.

³¹ Тойнбе А. Дж. A Study of History. III. Oxford, L. – N.Y., 1948. P. 79–80.

³² Гутнов Ф. Х. Ранние скифы. Очерки социальной истории. Владикавказ, 2006. С. 61–75.

³³ Об этом феномене см.: Волков В. Силовое предпринимательство. СПб., 2002. Историк и политолог Чарльз Тилли определяет государственный аппарат в качестве «машин легитимного рэкета».

³⁴ Латынина Ю. Л. Дар, грабёж и торговля: историческая условность границ // Знание – сила. 1995. Сентябрь.

³⁵ Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.

(файды). Существовала единственная возможность дать ему необходимые ресурсы: выделить основной источник богатства того времени – земельные угодья. «А кому нужна земля без крепостных?», как заметил дон Румата Эсторский, герой романа братьев Стругацких. Этот знаменательный выбор был сделан в империи франков в VIII веке, скорее всего при Пипине Коротком, когда традиционные методы ведения войны германских племен оказались бессильны перед арабо-берберской агрессией. Один из самых самобытных процессов социальной стратификации был запущен. «Праздный класс» всегда сражающихся индивидов с повышенным уровнем экипировки и вооруженности оказался весьма эффективен и распространился в соседних королевствах на века. До появления пороха монополия рыцарей на насилие и власть была обеспечена.

Преимущество рыцарства над традиционными дружинами варварской военной демократии наиболее наглядно доказано битвой при Гастингсе в 1066 году. В предшествовавшей битве с викингами под предводительством знаменитого Харальда Сурового при Стэмфордбридже войска англосаксонского короля Харальда одержали победу – здесь сражались две типологически близких пеших дружины, а вот конное рыцарство нормандского герцога Вильгельма Завоевателя сумело вскоре после этого вырвать победу у англосаксов. Похожий переход от тактики «морской пехоты» варягов к конным дружинам произошел в течение XI в. на Руси, когда оформление профессионального конного войска позволило русским князьям совершать походы в Степь и за XII век полностью подавить агрессию степняков-половцев. При Владимире Мономахе оборонительная тактика укрепленных линий, перехвата обозов степняков при их отступлении, стояние армиями на южных границах Руси дополняются и отчасти сменяются рейдами вглубь степи, ударами по кочевьям и «вежам» врагов. Поэтому тогда же окончательно оформляется технологически и заявляется символически всадническая субкультура³⁶ Древней Руси, распространяются культ воина-всадника св. Михаила, расширяется система мобилизации коней и людей, увеличиваются княжеские табуны³⁷.

Таким образом, с исторической точки зрения дружина – предшествующая, периферийная, отчасти тупиковая ветвь развития военной элиты. Если рыцарство получало свое преимущество в большей мере технологически, то дружинники добивались преимущества психологического, культурного, морального. Готовность к смерти, суицидальное поведение и реальный суицид, повышенная солидарность, гипертрофированное возвеличивание определенных ценностей и доблестей отличали военную элиту варварского общества от прочей массы населения. Дружина как группа отборных воинов была зависима от определенных мифологик, без которых ее эффективность резко падала.

Исторически в дружинных государствах Северной и Восточной Европы постепенно обособились разные виды дружины³⁸:

а) *дружина вождя* (конунга, князя) – ведущий тип;

б) *отдельная дружина княгини или других представителей правящего рода* (некая разновидность первого типа, тесно с ним связанная);

в) *свободная дружина «воинов профессионалов»*, чаще всего временная, на период конкретного похода или этапа жизни своих членов, нередко совмещающих независимые военные действия с наемничеством и с торговлей (*felag*); ярким примером могут служить флотилии «морских конунгов» Скандинавии³⁹;

³⁶ Михайлов К.А. К вопросу о формировании всаднической субкультуры в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 93–103.

³⁷ Романов Б.А. Смердый конь и смерд (в летописи и Русской Правде) // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. XXII. СПб., 1908.

³⁸ О первой известной нам попытке классификации типов дружин см. Хлевов А.А. Феномен северной дружины // Проблемы социально-политической истории и культуры Средних веков. СПб., 1998. С. 43–44.

³⁹ Лебедев Г.С. Конунги-викинги (к характеристике типа раннефеодального деятеля в Скандинавии) // Политические

г) *братство профессиональных воинов* (вариант третьего типа, отличающийся, как правило, более длительным, а то и пожизненным обетом воительства, самоценностью магики-боевых аспектов дружинной культуры); именно о таком объединении и повествует «Сага о йомсвикингах».

Ближайшей аналогией последнего типа могут служить автономные группы греческих наемников, самостоятельно выбиравших стратегов и решавших свои дела, которых французский историк Ипполит Тэн метко назвал «странствующими республиками». Если дружинники, составляющие окружение властителей и фактически формирующие аппарат ранних государств, в большей мере были ориентированы на вертикальные связи со своим королем или князем, то в свободных дружинах преобладали горизонтальные узы братства.

Во всех типах дружин культивировался боевой дух, но «независимые» и полунезависимые дружины, не имеющие поддержки государственного аппарата, в большей мере тяготели к идеологии «смертников», «живых мертвецов», обреченных изначально⁴⁰, в то время как в «государственных» гвардиях скорее ценилась верность вождю, сюзерену, прочность служебно-клиентельных отношений. Хотя, в реальности, разумеется, часто случалось наоборот – наемники проявляли завидную осторожность (о чем ехидно повествует «Сага о йомсвикингах»), а дружинники правителей сражались до конца.

В эпосе северных народов поровну воспеваются и верность конунгам, и бесстрашие, следование «северной этике мужества», предполагавшей опрометчивые и явно несуразные, но удалые поступки. Так, гимном верности может считаться датская поэма «Речи Бьярки», где центральный сюжет составляет гибель в бою двух дружинников Бьярки и Хьялти у тела их убитого вождя Хрольфа. Мотив ответственности дружины перед вождем ярко звучит в финальных сценах поэмы «Беовульф», после того как стареющий конунг Беовульф был брошен своими воинами перед битвой с драконом.

Общим образцом для воинских отрядов Северной Европы и Руси (где дружина изначально формировалась на «скандинавской основе») было войско верховного аса Одина – эйнхерии, т. е. «люди одного войска». Считалось, что все павшие в битвах герои попадали в небесный чертог Одина – Вальхаллу, где они тренировались в воинском искусстве и пировали, готовясь выступить в час Конца Света против чудовищ хаоса. В позднем фольклоре эти представления трансформировались в рассказы о «дикой охоте» хариев – спутников Одина, несущих громы и ветер. В принципе мотив «вечно сражающихся» был достаточно популярен в эпосе скандинавов – согласно легендам были обречены на «вечный бой» отряды конунгов Хедина и Хегни (ночью после битвы валькирия Хильд – дочь Хегни и жена Хедина – воскрешает павших, и бой продолжается). Можно отметить вечную вражду Хундингов и Ильвингов (Ульвингов), которая, судя по этимологии названий этих династий, видимо, восходит к легендам об архетипическом противостоянии родов «собак» и «волков»⁴¹.

Один – верховное божество языческого пантеона древних скандинавов, покровитель дружинников, «смотрящий» за битвами, пристрастный судья победы и поражения, хозяин «казарменного рая» Вальхаллы, куда попадают погибшие в бою воины⁴². Один – странник,

деятели Античности, Средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 44–53.

⁴⁰ Похожие психологические черты просматриваются у японских самураев, потерявших сюзерена, – ренинов.

⁴¹ «Одного могущественного конунга звали Хундинг. По его имени страна называлась Хундланд. Он был очень воинственен и имел много сыновей, которые воевали. Вражда и столкновения были между конунгом Хундингом и конунгом Сигмундом. Они убивали друг у друга родичей. Конунг Сигмунд и его род назывались Вельсунги и Ильвики» (Старшая Эдда // Западноевропейский эпос. СПб., 2002. С. 153). Последнее сообщение об этой вражде связано с Сигурдом, сыном Сигмунда: «У Сигурда была большая битва с Люнгни, сыном Хундинг, и его братьями. В этой битве пал Люнгни и все три брата». Сигурд вырезал кровавого орла на спине Люнгни, т. е. раскрыл спину, вывернул ребра в виде крыльев и вытащил легкие. См. подробнее: Михайлин В. Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005. С. 403–404.

⁴² Палссон Херманн. Одиическое в «Саге о Гисли» // Другие средние века. К 75-летию А.Я. Гуревича. СПб., 2000.

поэт, колдун, некромант, воин, искатель мудрости, развлечений и приключений⁴³. Кроме эйнхериев, его окружают берсерки (безумные воины, обладавшие сверхчеловеческой силой) и валькирии – воинственные девы, дарующие в бою победу. Он стоит вне морали; его мораль – власть и сила. Религиозный культ Вотана (Одина), который, по меткому замечанию средневекового хрониста Саксона Грамматика, воплощал бешенство, боевой «фурор», предполагал вечную готовность к битве или поединку, чем создавал необходимую атмосферу в воинских коллективах. С культом Одина связаны ритуалы человеческих жертвоприношений, жестоких казней, суицида и пыток (через которые прошел сам Один, провисевший девять дней на Мировом Древе с пробитым копьем боком). В «Саге о гутах» есть упоминание о культовом «одиническом» союзе, товариществе «Кипятящих» жертвенное человеческое мясо⁴⁴. Один всегда стремится узурпировать роли и функции других божеств, оттесняет их от власти, по сути, присваивает власть над асами и ванами. Так Один постепенно превращается из маргинального персонажа, «Отца ратей», «Отца Мертвых», «Повелителя Повешенных» в «Отца Асов» и «Повелителя Девяти Миров». Die Wilde Jagd, «Дикая охота Одина», сама по себе представляет союз отверженных воителей – вечно странствующее призрачное войско изгоев, преступников и самоубийц⁴⁵.

Одиническая идеология играла роль психологического допинга профессиональных воинов. Крайний случай девиантного «одинического» поведения демонстрировали отряды берсерков. Хотя, конечно, рассказы о них приобретали откровенно фантастические, мифо-эпические черты, полностью отрицать их «историчность» вряд ли возможно⁴⁶. Берсерком считался особо свирепый воин, способный на время впадать в боевой экстаз, неконтролируемую звериную ярость (сходную с ликантропией или амоком малайцев). Берсерки воевали без доспехов, раздевшись или облачившись в звериные шкуры, считалось, что они не чувствительны к боли, им не опасно железное оружие и огонь. Однако их можно убить камнями или деревянными дубинами, а после приступа ярости они становятся слабыми и заторможенными. Их специфические боевые способности вызывались психическими отклонениями или опьяняющими наркотическими напитками. Согласно этиологическому мифу, Берсерком звали внука легендарного полухтонического героя Старкада, дравшегося без доспехов. Подтверждением исторической достоверности сообщений о берсерках являются известия древнерусских летописей о том, что новгородские воины в критических ситуациях сражались спешившись, разувшись и сбросив одежду⁴⁷. Отряды берсерков сопровождали многих конунгов: легендарного шведского конунга Адильса, полулегендарного датского конунга Хрольва Жердинку и вполне исторического норвежского правителя Харальда Прекрасноволосого. Берсерков часто считают специфическим скандинавским феноменом, однако это явное недоразумение, греческие герои эпоса и раннелитературной традиции не менее подвержены боевому бешенству, экстатическим припадкам безумия (люсса, лютта). В безумие впадают Лик (Волк) – антагонист Геракла, сам Геракл, Орест, Ахилл, Аякс Теламонид⁴⁸.

С. 253–266.

⁴³ Карлейль Т. Теперь и прежде. Герои, почитание героев и героическое в истории. М., 1994. С. 6–37.

⁴⁴ Сага о гутах / Пер. с древнегютского и прим. С.Д. Ковалевского // Средние века. 1975. Вып. 38. С. 307–311.

⁴⁵ Ганина Н.А. Готская языческая лексика. М., 2001. С. 37–44.

⁴⁶ Ср. наивно-скептическую позицию: Либерман А.С. Германисты в атаке на берсерков // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 г. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 119–131.

⁴⁷ Судя по именослову и генеалогическим реконструкциям, многие новгородские боярские роды восходили к знатым скандинавским семьям, а судя по археологическим данным, престижная, особенно воинская, культура Севера Руси формировалась под прямым воздействием викингских образцов.

⁴⁸ Фрейденберг О.М. Миф и литература в древности. М., 1998. С. 388–391, 369, 396–400, 423; Косарев В.А. Гнев Геракла // Классическая филология на современном этапе. Сб. научных трудов. М., 1996. С. 92–100.

Однако героическое сознание, героическая культура и идеалы воина строились на не столь экзотических образцах – центральной фигурой эпоса всегда являлся Герой, готовый с увлечением и удалью воевать в «здравом уме».

3. Феноменология героя

Эпическим персонажам, совершавшим подвиги, посвящено огромное число исследований, даже перечень сравнительно-исторических работ о структуре и чертах героической личности достаточно велик⁴⁹. Мы же сосредоточимся на чертах личности воителей, связанных не с мифологической архаикой (чудесное рождение, героическое детство, ускоренное взросление, низкий изначальный статус или долгое бездействие и т. д.) и не на идеализированных аспектах их характеров, а на реалистических моментах, отражающих специфику социальной психологии дружинников.

Начать беглый анализ героического «габитуса» лучше всего с меткого афоризма филолога Томаса А. Шиппи, который констатировал, что мы, современные люди, сгодились бы в древнем обществе «разве что в рабы». Именно «бесстрашие», воля к победе, готовность к смерти отличала воинов древности, давала им пропуск в мир власти и силы. «Среда войны» не просто отпечатывалась на личности, откликалась синдромами и неврозами, она давала строительный материал для нее. Недаром, Г.В.Ф. Гегель вывел простую, но исключительно верную формулу архаичной власти – человек, способный поставить на кон игры свою жизнь, становится Господином, боящийся рискнуть жизнью – Рабом. Именно согласно такой диалектике и строятся модели поведения воинов.

Важнейшей чертой личности героя и «призом», за который герои готовы бороться, выходить на поединки, совершать поступки на грани суицида, идти в изгнание, является «честь и слава», определяющие его статус. Чаще всего эти абстрактные понятия материализуются во вполне земных вещах – дарах, долях сокровищ, месте за пиршественном столом, причастности к полюдию и прочим кормлениям, обладании красивыми женщинами, конями, другими престижными аксессуарами. Учитывая специфику социальных отношений, дружины изначально формировались из людей пониженного и приниженного положения – младших сыновей, сирот, изгоев, бродяг, пришельцев, прочих «отщепенцев». Таким образом, в борьбе за статусы включались механизмы психологической компенсации, восполнения ущербности. «Младшие» воины, таким образом, в эпосе маркируются чертами алчности, агрессивности, необузданности, злобности, они выходцы из маргинальных (пограничных) территорий и слоев общества. Так, Ахиллу были приятны только «вражда, раздоры да битвы», а Одиссей, хоть и стремился домой, все-таки любил странствовать. Грань между героем и преступником часто размыта, герои похожи обликом и нравом на монстров и чудовищ, с которыми они борются. Они выпадают из стандартных брачных и кровно-родственных уз, их удел – бесплодный секс, чаще всего они образуют временные пары с такими же отверженными девушками или товарищами по оружию. Геракла связывал роман с царицей амазонок Ипполитой, Тезей имел связь с амазонкой Антиопой, Сигурд (Зигфрид) любил валькирию Брюнхильду (вар. Сигрдриву); связи с богатырями-поляницами былинная традиция приписывала Илье Муромцу (от нее у него родился сын Сокольник) и богатырю Дунаю.

⁴⁹ См. минимальную выборку наиболее доступных изданий: *Боура М.С.* Героическая поэзия. М., 2002; *Жирмунский В.М.* Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса // Доклад на IV Международном съезде славистов. М., 1958. Отд. оттиск.; *Клейн Л.С.* Бесплотные герои: происхождение образов «Илиады». СПб., 1994; *Колесов В.В.* Древнерусский богатырь // Средневековая и новая Россия. Сб. статей к 60-летию И.Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 37–60; *Липец Р.С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984; *Мелетинский Е.М.* Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.: СПб., 2005; *Пронн В.Я.* Русский героический эпос. М., 1999; *Халанский М.* Южнославянские сказания о кралевице Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Варшава, 1894; *Хойслер А.* Германский героический эпос и сказание о нибелунгах. М., 1960.

Исключительно точно подметил отсутствие идеализации в эпосе М.И. Стеблин-Каменский⁵⁰, он обратил внимание, что самый знаменитый северный герой Сигурд обладал скорее не «силой духа», а «психической импотенцией», безразличием к себе и окружающим. Его судьба запрограммирована, и он слепо следует ей. Убивая врагов, он действует из засады, пытается противников-хундингов (вырезая «кровавого орла»), его мотивация – жажда славы и золота. Знаменитая ссора двух королей Гудрун и Брюнхильд, приведшая Сигурда к смерти, была спровоцирована его собственным хвастовством. Согласно С.М. Боуре, Сигурд действует, соотносясь с «инстинктивным стремлением быть великим воином», суть его героической натуры – отсутствие сомнений и колебаний, готовность испытать свою силу, найти свой предел возможного⁵¹.

Вообще же, героические деяния достойны памяти и рассказов благодаря своему выдающемуся характеру, экстраординарности, а отнюдь не из-за высоких индивидуальных моральных качеств героев. Исключительные способности и навыки древних воинов ценятся и восхваляются сами по себе, а не в связи с какими-то абстрактными идеями и категориями. Поведение героев являет собой примеры чистого действия, механического бихевиоризма, не отягощенного эмоциональной подкладкой, рефлексией.

Второй маркер героя – Судьба, тесно переплетенная с целым клубком «удач» («фарта»), предсказаний, проклятий, обреченностей, амулетов и волшебных артефактов. Отчасти такая концентрация мистики вокруг героев объясняется общей тягой всех людей, чьи занятия связаны с риском, к различным формам суеверий. Кроме того, подобное программирование жизненного пути отчасти задает тон поведению воина, отчасти оправдывает его поступки и деяния, лежащие вне норм и морали. Здесь же стоит упомянуть различные практики боевой магии, оборотничества, ликантропии, на которые обречен герой. Часто герои оказываются заложниками внешних сил – богов, колдунов, волшебного оружия⁵². Среди счастливых воинских примет в эпосе и ранних летописях называются, в частности: увидеть ворона, услышать волчий вой, встретить вооруженных воинов, но увидеть их раньше. Напротив, спотыкание человека или коня рассматривалось как знак неудачи.

Третий момент – Воля, способность идти наперекор Судьбе, сильным мира сего, сверхъестественным силам, готовность жить в состоянии обреченности, выживать в нечеловеческих условиях и оправляться от страшных ран. Проекцией такой «волонтарной установки» является представление о неуязвимости героев. Неуязвимыми считались Ахилл, Аякс Старший, Сигурд сын Сигмунда («Роговой Зигфрид»), отчасти неуязвимостью обладал Кухулин, а Илье Муромцу была «смерть в бою не писана». Несколько раз выживал после страшных ран великий рыцарь Тристан.

Особое внимание герои уделяли также своему внешнему облику, атрибуты, аксессуары, украшения, амулеты составляли необходимый набор, маркирующий великих воинов. В меньшей степени героя отличала боевая ярость. Вся культура рыцарства и дружины была принципиально имажинарна – значимые действия и деяния сопровождались выразительными жестами, формульными восклицаниями, плачами, песнями. Непременной состав-

⁵⁰ Стеблин-Каменский М.И. Труды по филологии. СПб., 2003. С. 437–441. Ср. несколько романтические возражения А.Я. Гуревича об «архаическом индивидуализме» и «моральности» Сигурда, которые исходят из популярного заблуждения о принципиальном расхождении ценностей и моральных устоев разных эпох и народов (Гуревич А.Я. Индивид и социум на Средневековом Западе. М., 2005. С. 52–59). Конечно же, аксиологический люфт, обусловленный культурно-историческими особенностями, всегда можно найти, однако базовые положения представлений о «добре и зле» вполне универсальны.

⁵¹ Боура М.С. Героическая поэзия. М., 2002. С. 137–138.

⁵² Противореча сам себе, А.Я. Гуревич, с одной стороны, пишет о том, что поведение древних героев гипертрофированно выражает идею индивидуальной свободы и независимости, с другой – справедливо считает само их поведение «интериоризованной судьбой» (Гуревич А.Я. Индивид и социум на Средневековом Западе. М., 2005. С. 52, 54). Между тем герой вполне функционален, выбор его «героического пути» столь же фатален, как и противоположные решения, предполагающие жизнь в другом статусе, – раба, крестьянина, ремесленника и т. д.

ляющей героического поведения было хвастовство, вызов, оскорбления противников и возвеличивание своих доблестей.

Большинство героев отличает праздность, активное «ничегонеделанье», в свободное от войн и походов время герои забавляются охотой, играми, соревнованиями. «Институт праздного класса» формируется именно на поздней стадии существования варварской культуры, в дружинной и рыцарской среде, когда своей кульминации достигает последовательно «хищнический уклад жизни»⁵³. Такой взгляд на мир был явно обусловлен самим образом жизни профессиональных воинов, которые не желают участвовать в производстве каких-либо благ, но готовы их присваивать и потреблять. Любая работа была для них наказанием и проклятием. Недаром дружинники сравнивали себя с волками и псами, а полюдьё и кормление воспринималось ими как право на долю продуктов «стада».

⁵³ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

4. Дружинные лагеря – воплощенный миф

Замечательным мотивом саги о йомсвикингах является описание мощно укрепленного дружинного лагеря, куда не допускались женщины, чтобы не внести раздор в идеальный порядок общины воинов. Многие архитектурные детали этого описания, безусловно, являются литературным отражением и обобщением тех элементов, которые считались необходимыми для совершенного во всех отношениях военного порта того времени. Между тем топографически и археологически в Дании зафиксированы остатки такого рода военных поселений, которые могли быть прообразами Йомсборга. Самыми крупными были лагеря Треллеборг⁵⁴, Аггерсборг, Фюркарт, Ноннебаккен⁵⁵.

Согласно распространенной версии, датские лагеря связаны с системой циклопических оборонительных валов («Датский вал») и магистральной дорогой Дании – «Ратным путем». Важным элементом «Датского вала» была крепость Тюраборг, названная либо в честь бога войны Тюра, либо в честь супруги Горма Старого. По другой гипотезе, в них шла подготовка к походам в Англию, впрочем, оба варианта не являются взаимоисключающими. В любом случае эти лагеря объединяет несколько общих черт – все они представляют собой группы построек, обнесенные концентрическими валами, все они находятся вблизи от удобных гаваней или трактов. Все лагеря отличает строгий геометрически-выверенный план, ориентированный по сторонам света, и наличие нескольких симметрично расположенных ворот. В плане круглые лагеря очень точно разделены вымощенными дорожками на секторы, что свидетельствует о высоком уровне мастерства их «архитекторов» и дисциплине войска⁵⁶. Постройки внутри лагерей представляют собой «длинные дома», т. е., по сути, казармы для войска. Учитывая, что могильник, например Фюркарта, в котором, по оценкам археологов, проживало порядка 400 человек, содержит всего 30 погребений, скорее всего, лагеря наполнялись войском только периодически, а воины в основном гибли в походах, что подчеркивает казарменно-военный характер поселения. В Треллеборге при этом зафиксирован исключительно низкий процент погребений стариков, женщин и детей, что вполне перекликается с данными саги о йомсвикингах о мужском составе воинской группы.

⁵⁴ Примечательна этимология названия этого пункта – «город рабов», что, возможно, отражало низкий статус его населения, где проживали люди, принудительно мобилизованные, т. е. утратившие свою свободу. Так, «отнятие одалей» Харальдом Прекрасноволосым в Норвегии рассматривалось как порабощение всех людей. Аналогией этой ситуации может служить «нарубание мужей лучших» среди северных племен Владимиром Святославичем для заселения крепостей на южных рубежах Руси.

⁵⁵ Несколько лагерей исследованы в Нормандии, они связаны с подготовкой экспедиции Вильгельма Завоевателя в Англию.

⁵⁶ См. подробнее: Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 2005. С. 77–80; Джонс Г. Викинги. Потомки Одина и Тора. М., 2005. С. 380–388. В датских лагерях могло разместиться порядка 9000 воинов (Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 186).

Рис. 1. Панорама Треллеборга

Лагеря функционировали на рубеже X–XI вв., т. е. в правление Свейна Вилобородого и его сына Кнута Могучего, возможно, эти войска стали опорой этих конунгов при завоевании Англии и создании мощнейшей империи Кнута. Но в принципе кольцевые укрепления были известны и в германском, и в кельтском, и в славянском мире. Традиция таких лагерей могла восходить еще к римским временам и архитектуре военных поселений римских легионов⁵⁷, в основу геометрических расчетов при планировке лагерей использован «римский фут». Многодверным (540 дверей) амфитеатром представлялся викингам и их последний приют, рай-казарма – Вальхалла⁵⁸. Возможно, кроме функциональных задач, лагеря еще мыслились их создателями как земные копии чертога Одина.

Дружинные лагеря, не в такой явной и яркой форме, известны и на Руси⁵⁹. Например, лагерь варягов-наемников киевского князя в Шестовицах под Черниговом, уничтоженный Мстиславом Владимировичем Лютым в ходе войны со своим братом Ярославом Мудрым, кульминацией которой стала битва 1024 года при Листвене (по версии В.П. Коваленко). Это был финальный эпизод борьбы за наследство Владимира Святославича, очередное столкновение новгородского Севера, близкого Скандинавии, и «орбиты» Хазарии (кочевого мира). Дружина тмутараканского князя Мстислава была сформирована из касогов, хазар и традиционных данников последних – северян. Именно столицу северян – Чернигов он с их же согласия занимает после отказа киевлян принять его власть. Ярослав же вышел на битву с

⁵⁷ Ср.: Махалюк А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. С. 174–188.

⁵⁸ Число воинов-эйнхериев, названное в «Старшей» и «Младшей Эдде», 432 000 – явное преувеличение. А вот число выходящих из одной двери бойцов – 800 – вполне реалистично для одной дружины великого властителя.

⁵⁹ Шинаков Е.А. «Дружинные лагеря» // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X вв. Київ, 2004. С. 307–311.

войском, основу которого составили варяги под предводительством ярла (?) Якуна. Северные воины, уже не раз решавшие для Ярослава его политические проблемы, на сей раз были разбиты. Ярослав бежал обратно в Новгород.

На Руси, по наблюдениям Е.А. Шинакова, дружинные лагеря входили в комплексы разных урбоагломераций, объединявших населенные пункты различных функций – такими можно считать памятники Гнездово, Седнев, Лепляву, Левенку, Белгород. В качестве военных лагерей могли использоваться пограничные крепости и погосты, изначально ориентированные на сбор дани. Крупным дружинным центром и, возможно, дружинным лагерьем можно считать град Плесненск (археологический памятник Подгорцы), отличающийся большой площадью укреплений и богатыми воинскими погребениями.

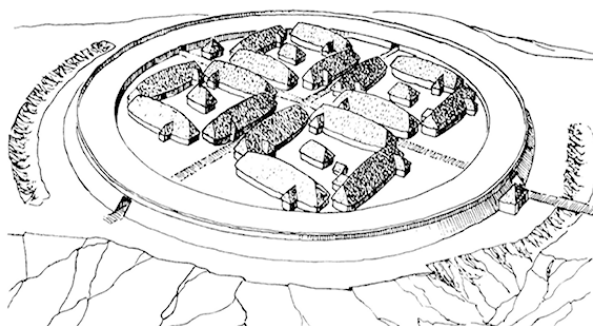

Рис. 2. Крепость Фюркат (реконструкция)

В этом отношении важно выделить памятники, включающие элементы «дружинной культуры» (раннегородские центры или торгово-ремесленные поселения), и пункты, на которые можно распространить функции, характерные для «дружинных лагерей». Для некоторых из древнерусских памятников такие функции прослеживаются достаточно уверенно (в том числе и археологически), для некоторых – лишь предположительно. По всей видимости, относительно древнерусского материала никогда нельзя будет говорить о «дружинных лагерях» как определенном «чистом», монофункциональном типе памятников⁶⁰. Можно лишь выделять типологическую близость к «дружинным лагерям» тех или иных центров, сочетающих в себе целый ряд других сопутствующих функций. «Дружинные лагеря» в Древней Руси могли входить в состав крупных торгово-ремесленных, контрольно-административных центров и пограничных крепостей, о чем может свидетельствовать присутствие воинских погребений в некрополях этих памятников.

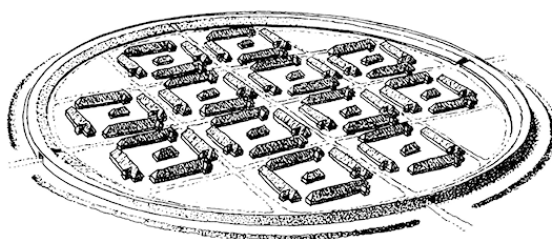

Рис. 3. Крепость Аггерсборг (реконструкция)

Любые ранние «военные государства» («military state»), тем более созданные на их основе империи, построенные на принципе постоянной экспансии, требовали создания мест

⁶⁰ Шинаков Е.А. «Дружинные лагеря» // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X вв. Київ, 2004. С. 309.

концентрации профессиональных войск, их размещения и подготовки. В связи с этим и краали зулусов, и римские «марсовы поля», и «весенние поля» франков, и ставки ханов Степи (например, ставка аварского кагана «Ринг», т. е. «кольцо», уничтоженная Карлом Великим) демонстрируют черты сходства, обусловленные их функциональной близостью. Особо отметим *индоевропейскую* традицию возведения круглых укреплений, размеченных по геометрически строгой радиально-круговой планировке, самый известный памятник этого круга – городище Аркаим на Южном Урале. Археологические данные о планиграфии Аркаима и соседних 20 городищ полностью совпадают с описаниями города Вара, содержащимися в священной древнеиранской книге «Авесте». Архитектурный канон Вары, созданной, по легенде, царем Йимой, воплощался во многих памятниках (культовых, погребальных, фортификационных) индоевропейских народов, самый известный пример такого рода – столица древней Мидии Экбатана⁶¹.

Дружинные лагеря, предполагающие сбор огромных войск, всегда либо отличала временность, либо для целей подготовки войска использовались какие-либо «готовые» населенные пункты. Специализированные же места для войск чаще всего создавались в условиях постоянной внешней опасности и систематической военной экспансии. В Дании дружинные лагеря стали инструментом глобальной политики Кнута Могучего. Он железной рукой объединил Данию, Англию, Шлезвиг, Норвегию. Судя по всему, этот правитель собирался полностью подчинить своей власти и территории южного побережья Балтики. На Руси золотой век дружины пришелся на время Святослава Игоревича и его сына Владимира. Святослав откровенно заявил программу империи с центром в Переяславце на Дунае и погиб, воплощая эту мечту, но оставил в наследство своим сыновьям мощнейший «инструмент» – «большую дружину»⁶².

Однако после отказа от планов покорения доступной ойкумены у князей и конунгов нужда в таких огромных количествах воинов исчезала, вместе с ними и опустели или были «перепрофилированы» дружинные лагеря. С XII века ни на Руси, ни в Северной Европе они не известны. Это отчасти объясняется тем, что массы дружинников в это время были заменены рыцарской конницей, наступило новое время феодализма.

⁶¹ Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995; *Медведев А.П.* Авестийский город Йимы (к истокам мифологии древних сакральных центров) // Норция. Вып. 3. Воронеж, 1999. С. 149–159.

⁶² Об империи Святослава и ее политэкономических контурах см.: *Шинаков Е.А.* Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002. С. 208–229.

5. Йомсвикинги как боевое братство

Дружинная среда изначально строилась на принципах военного интернационализма и социальной открытости (меритократических принципах отбора), однако дружины имели свою внутреннюю иерархию, связанную с возрастом, личными качествами, заслугами, опытом, отчасти происхождением ее членов. Северогерманские дружины подразделялись на две категории – «старших» и «младших». На материале англосаксонской поэмы «Беовульф» такая дихотомия просматривается особенно отчетливо⁶³. Конунг Хродгар, которому суждено было стать великим правителем дворца Хеорот, в молодости возглавлял отряд «молдых воинов», которые потом выросли и стали его дружинниками. То есть наследник престола превратился в конунга, а окружавшие его юноши выросли во взрослый элитный отряд. Сыновей Хродгара также окружают отряды «детей мужей», сидящие на пиру за отдельной скамьей. В «Младшей Эдде» подчеркивается, что среди дружинников, «домашней стражи», выделяются «старшие», «внутренняя дружина». Кроме того, противопоставляются «ярлы и херсиры», обладающие своими владениями, и дружинники, окружающие конунга.

На Руси такое же противопоставление видится в противопоставлении «мужей» и «отроков». Наиболее ярко такой дуализм дружины проявился в эпизоде «Повести временных лет», когда «мужи» князя Игоря стали завидовать «отрокам» воеводы Свенельда. Отроками назывались и спутники другого воеводы, Яна Вышатича. Возможно, отрядом юношей командовал и сын Свенельда Лют (Мстислав Лютый?), убитый на охоте молодым князем Олегом Владимировичем. Аналогичным образом противопоставлялись заимствованные полиэтнической средой «руси» термины «боярин»/«гридь», наложившиеся на традиционное славянское обозначение юношей и мужчин⁶⁴. Позже древнерусская дружина стала трехчастной, т. е. стала подразделяться на бояр, мужей и отроков-гридей.

⁶³ Губанов И.Б. Культура и общество скандинавов эпохи викингов. СПб., 2004. С. 36–42.

⁶⁴ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М.: Смоленск, 1995. С. 108–115.

Рис. 4. Воин вступает в Валхаллу. *Изображение на камне*

Бинарное же разделение на «старших» и «младших» восходит еще к древнейшему разделению мужчин, прошедших инициации, и юношей еще неопределенного статуса (см. выше). Можно привести как гораздо более древние, так и более поздние примеры выделения отдельных дружинных отрядов «юных» бойцов. Таким отрядом в «Ригведе» были спутники юного царя Индры – Маруты⁶⁵. Дружина внестатусных воинов, навсегда оставшихся «юношами», описана Гомером. Это мирмидоны, возглавляемые Ахиллом⁶⁶. Мирмидоны, чья биография известна, – изгнанники и изгои. Эвдор и Менесфей – незаконнорожденные, Эпигей, преступник, убивший родича, Феникс, соблазнитель наложницы отца и вечный беглец. Неоднократно отмечается в былинах молодость русских богатырей (кстати, соперничающие с боярами, окружающими киевского князя)⁶⁷. Стоит также упомянуть германский воинский союз «эрулов» (герулов) – пожизненных наемников, профессиональных воинов, при этом знатоков рун и песен. Вовлеченное в круговорот Великого переселения народов племя герулов постепенно трансформировалось в касту «универсальных солдат», которых отличала физическая сила («тяжесть»), боевая раскраска, способность к быстрому бегу. Их тотемом,

⁶⁵ Куланда С.В. Царь богов Индра: юноша-воин-вождь // Ранние формы политической организации. От первобытности к государственности. М., 1995. С. 104–125.

⁶⁶ Брагинская Н.В. Кто такие мирмидонцы? // От мифа к литературе. Сборник в честь 75-летия Е.М. Мелетинского. М., 1993. С. 231–256.

⁶⁷ Липец Р.С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969. С. 97–99.

от которого произошло само их название, был орел. В эпосе и истории эрулы стали нарицательным обозначением германской военной элиты, именно они задавали тон дружинной моде германцев⁶⁸. Такими же культово-боевыми союзами «волков» и «псов» были согласно мифопоэтической традиции скандинавов Хундинги и Ильви́ги-Вельсунги (Ульвинги), которые вечно враждовали и выслеживали друг друга⁶⁹. Вождями этих кланов-союзов были Сигмунд и Хундинг. Хундинг владел «страной собак», и у него было много сыновей. У Сигмунда было четверо сыновей – от его сестры Сигни Синфьетли, а от валькирии (?) Боргхильд – Хельги и Хамунд. Последним сыном Сигмунда от третьей жены Хьердис был знаменитый Сигурд. Представители Ильвингов-Вельсунгов Сигмунд и его сын Синфьетли обладали ликантропической способностью обращаться в волков. Характерно, что четвертый сын Сигмунда, Сигурд, иносказательно называл себя «зверь благородный». А Хельги в конце концов убил Хундинга, хотя сам позже погиб от рук Дага сына Хегни, которому помогал сам Один, распря продолжалась.

Отметим, что для героического эпоса в принципе характерна дугеройность⁷⁰, при каждом старшем воителе присутствует младший помощник, который, впрочем, часто и является истинным героем, хотя и не реже он оказывается явным аутсайдером. Здесь в паре персонажей воплощались два названных социально-возрастных типа. Этот мотив «второго героя» стал общим местом героических сказаний и явно отражает дуальность реальных дружин. Кроме того, у всех великих, ключевых героев просматриваются черты младших, не обретших статуса мужчин. Таковы – Энкиду, Геракл, Персей, Ахилл, Кухулин, Сигурд, Беовульф, Роланд, Добрыня.

На фоне этих мифопоэтических и исторических аналогий известия о йомсвикингах, независимых от конунгов, не прошедших в социальный класс «старшей дружины», объединенных в одно нестратифицированное братство со своим «уставом», выглядят не как книжная фантазия, а как отражение, обобщение опыта реальных воинских союзов раннего Средневековья, воспетых в эпосе.

⁶⁸ Ганина Н.А. Герулы как воинская элита: к определению и этимологии термина // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2007. С. 41–45.

⁶⁹ Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968. С. 252.

⁷⁰ Баркова А.Л. Функции «младших героев» в эпическом сюжете. Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2003.

6. «Сага о йомсвикингах» и ранняя древнерусская дружинная культура

Географическая и политическая ситуация, в которой возникла и существовала идея эпического Йомсборга, – общины-дружины бесстрашных и удачливых воинов-скандинавов в стране прибалтийских славян-вендов – явно сходна с положением некоторых других полиэтнических, военно-ремесленно-торговых поселений, а в особенности именно дружинных лагерей на территориях славян восточных. Приводимые ниже материалы «Саги о йомсвикингах» находят предположительные аналогии в древнерусском летописании.

Так, в одном из эпизодов саги вождь дружины викингов Пальнатоки получает от конунга территорию для постоянного базирования, а взамен обязуется защищать ее своими вооруженными силами. Похожая ситуация просматривается в эпизоде ПВЛ за 968 г., когда воевода Претич берег прежде всего левую сторону Днепра⁷¹, размышляя, стоит ли вмешиваться в осаду печенегами Киева на правом берегу.

В следующих эпизодах выбор «лучших» по каким-то критериям воинов среди претендентов на место среди йомсвикингов напоминает отбор киевским князем Владимиром Святославичем храбрых мужей среди варягов из нанятой им скандинавской дружины, которым он раздает в управление города⁷². В Англосаксонской хронике под 1018 г. сообщается, что Кнут Могучий после завоевания Англии распустил свою армию, оставив 40 кораблей лучших воинов. Похожим образом конунг в этой саге договаривается с предводителем йомсвикингов о выделении им места для поселения. Таким образом, речь идет о постоянной практике создателей первых государств в Северной и Восточной Европе, дистанцировавших полунезависимые отряды от своих столиц и торговых поселений. Отдельные дружинные лагеря являлись компромиссом, который позволял и удовлетворять потребность молодых государств в военной силе, и избегать издержек скопления малоуправляемых воинов. Что случалось, когда это правило нарушалось, прекрасно иллюстрирует эпизод в Новгороде, произошедший в 1016 г.: «В Новгороде же тогда Ярослав кормяше варягъ много, бояся рати, и начаша Варязи насилие деяти на мужатых женахъ. Рькоша новгородцы: „сего мы насилья не можемъ смотрити“; и собращася в ночь, исекоша Варягы на Поромоне дворе»⁷³. В ответ князь Ярослав, державший варягов для войны с киевским князем (сначала своим отцом Владимиром, которому он отказался платить установленную дань, потом братом Святополком), обманом уничтожил «тысячу славных воев» из числа новгородцев. Потом ему пришлось раскаяться в своем поступке и мириться с новгородцами и собирать воинов для похода на Святополка, начавшего уничтожение братьев-князей. Характерна ремарка Ярослава, что замену убитым нельзя купить даже за золото.

⁷¹ Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева, М.Б. Свердлова; отв. ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 31–32. Далее: ПВЛ.

⁷² «И избра от нихъ (наемников варягов) мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; прочии же идоша Царюграду въ Греки. И посла пред ними слы, глаголя сие царю (византийскому императору): „Се идуть к тебе варязи, не мози их держати въ грае, Оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разно, а семо не пушай ни единого“» (ПВЛ. С. 37). Последний совет князя прекрасно объясняет, почему большинство скандинавов и других наемников по мере становления единого государства на Руси в XI в. оказывались в пограничных крепостях и отдаленных пунктах сбора дани.

⁷³ ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись Старшего и Младшего изводов. М., 2000. С. 174.

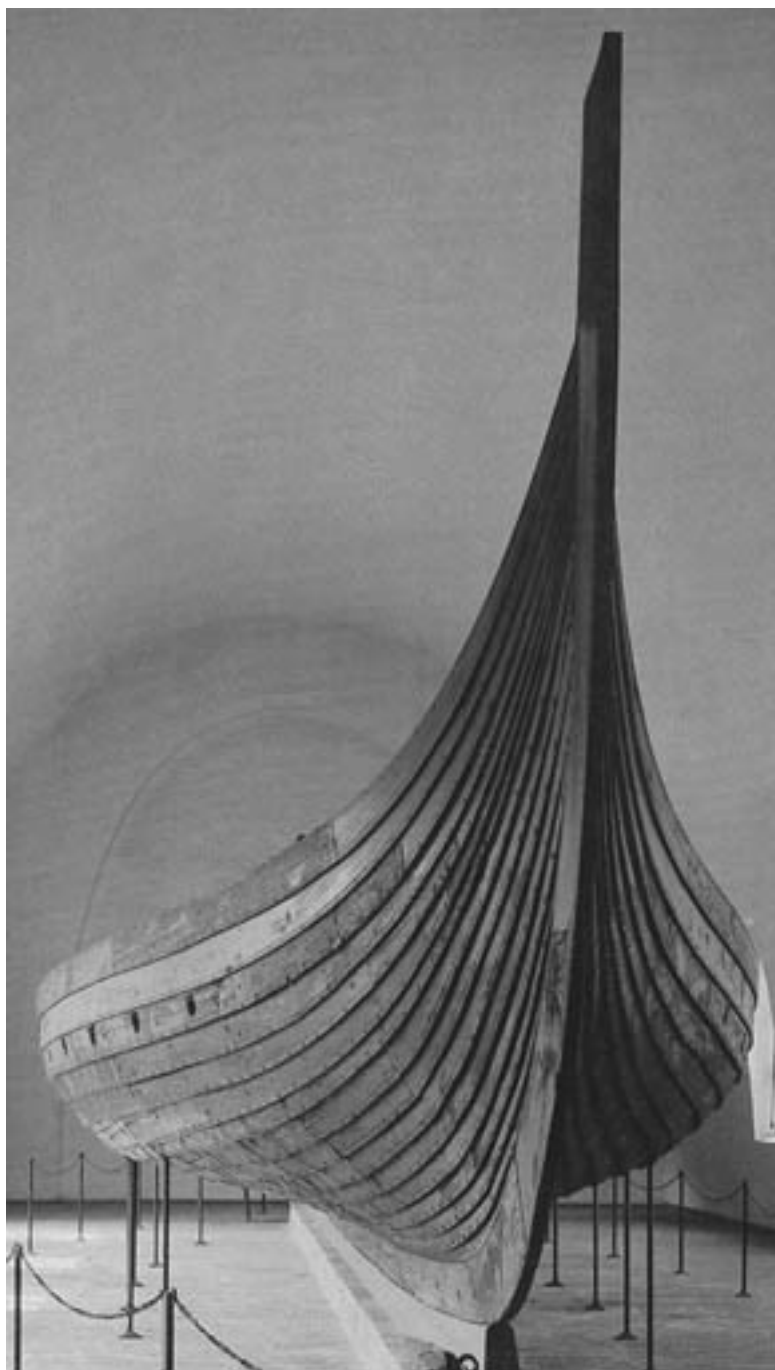

Рис. 5. Корабль из погребения в Гокстаде (Норвегия)

Рассматриваемая сага как раз отражает специфику социально-психологических установок таких полунезависимых дружин воинов-наемников по сравнению с более явственно обозначенной летописью дружиной князя или воинских контингентов, формируемых местным населением.

Итак, некие разновидности феномена йомсвикингов просматриваются в летописных «отроках Свенельда», которым завидует дружина князя Игоря⁷⁴; в отряде варягов, с помо-

⁷⁴ «Рекоша дружина Игореві: „отроци Свенельжи изоделися суть оружьем и порты, а мы назі“» (ПВЛ. С. 26). Отметим, что Свенельд собирал дань с отдаленной территории уличей и с не полностью подчиненной земли древлян. Можно предположить, что другой воевода этого времени, Волчий Хвост, получал дань с земли радимичей, которую он покорял по заданию князя Владимира. Видимо, воеводам отдавались для сбора дани окраинные и немирные земли. Возможно, там находились и их «дружинные лагеря», в которых эта дружина временно обитала.

щью которых Владимир Святославич завоевал Киев и едва справился с их намерением ограбить покоренную столицу; а также в перебитых новгородцами в ходе бытового конфликта, а затем погибших в битве при Листвене северных наемниках Ярослава.

При этом остается не совсем ясным, почему в данном летописном сообщении со Свенельдом речь идет лишь об его «отроках», т. е. исключительно младших дружинниках, согласно летописной лексике. Видимо, именно представители подростково-юношеского класса древнерусского общества составляли и младший слой, особую группу дружины. Такие же ограничения по возрасту и отсутствие брачных связей характеризовали и йомсвикингов. Как видно отсюда, и состав дружины Свенельда не копировал иерархизированный (бояре, мужи и отроки) состав дружины великокняжеской, а состоял исключительно из «отроков» на йомсвикинский манер.

В целом «Сага о йомсвикингах» проливает дополнительный свет на сам институт раннесредневековой дружины. Этот последний традиционно рассматривается в качестве элемента организации княжеской власти. При этом известия древнерусской летописи на сей счет логично дополняются и комментируются синхро-стадиальными и сравнительно-историческими данными, отражающими те особенности феномена дружинности, что не прошли ментально-архетипического «ценза» у летописцев-христиан.

На Руси IX–XI вв. имели место и сосуществовали дружины, полунезависимые от княжеской власти и в принципе неподконтрольные князьям из рода Рюриковичей и других династий. В рассматриваемой нами саге нагляден параллелизм дружины конунга вендов и дружины йомсвикингов. Похожая ситуация наблюдается с дружиной киевского князя Рюрика, первоначально именуемой «русью», дружинами периодически приглашаемых на Русь наемников-варягов, приносящих клятву своему нанимателю и дружинами Киева, Новгорода, северян, древлян. В связи с этим вряд ли стоит столь однозначно, как это обычно делается в археологической литературе, трактовать дружинные курганы в качестве материальных следов «окняжения» земель Рюриковичами (и возможными альтернативными династиями). Кладбища, оставленные великокняжеской дружиной, логично усмотреть в непосредственной близости от княжеских же центров уровня Ладоги, Киева, Чернигова. Что касается находящихся на периферии могильников дружинного типа, то их принадлежность к княжескому войску нуждается в каждом конкретном случае в дополнительном обосновании.

Воинская субкультура Древней Руси IX–X вв. принадлежала по преимуществу отдельной социальной страте под названием «русь», полиэтнической (но первоначально преимущественно скандинавской в своей основе⁷⁵). Это название происходит от скандинавского обозначения участников похода на гребных судах, команды гребцов, отряда, прокладывающего путь по рекам. Именно эта военизированная среда стала основным двигателем процесса строительства государства и распространения княжеской власти. Поэтому именно эта субкультура новой пассионарной этносоциальной группы «русь», которой принадлежит подавляющее число раннегородских центров и торговых поселений на речных путях, и является главным маркером расширения границ новых государственных структур.

⁷⁵ См.: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24–38.

Рис. 6. Топорик, инкрустированный серебром. Маммен (Дания)

Основным источником по изучению «дружинной культуры» Древней Руси являются погребальные памятники, которые можно относить к воинским или «дружинным». Термин «дружинные курганы» весьма распространен и прочно укоренился в отечественной науке. Однако, что же собственно такое «дружинные курганы» как тип погребальных памятников, на сегодняшний день определить довольно сложно. Круг «дружинных курганов» достаточно аморфен, и критерии для их выделения часто произвольны и не всегда имеют строгое обоснование.

Общепринятые критерии – присутствие в погребальном инвентаре оружия и предметов, относимых к «дружинной культуре», – не всегда методологически удовлетворяют и часто оставляют массу вопросов. Любые ли предметы вооружения маркируют дружинное погребение, и можно ли выделить устойчивый «дружинный набор» оружия в погребальном инвентаре? Можно ли причислять к дружинным погребения, содержащие в инвентаре из предметов вооружения только стрелы (без предметов «дружинной культуры»)? Как атрибутировать безынвентарные погребения с оружием? В какой степени относятся к кругу дружинных древностей погребения, не содержащие предметов вооружения и включающие в то же время те или иные предметы «дружинной культуры»? Можно ли в качестве критериев дружинных курганов (помимо оружия) выделить какие-либо особенности погребального обряда в целом (размер и структура насыпи, фиксируемые по материальным следам ритуальные действия и др.)? Насколько иноэтничные вещи (в первую очередь скандинавские), которые считаются самыми яркими и очевидными маркерами «дружинной культуры», в действительности привязаны только к этой узкой социальной группе – дружинной организации, и являются ли они индикаторами только этой социальной группы?

Рис. 7. Топорик из Поволжья, инкрустированный в стиле «Маммен»

Не вызывает сомнений сам факт того, что оформившаяся на восточно-славянских территориях около конца IX – начала X в. новая социальная структура (дружинная организация) сформировала и собственные этнокультурные феномены, значительно повлиявшие на сложение раннегородской культуры Древней Руси. Одним из таких феноменов стали и «дружинные курганы», как особый тип погребальных памятников. В связи с этим, анализируя социальную информативность погребений, Г.С. Лебедев пришел к выводу, что «группы погребений, совершенных по определенному типу ритуала, соответствуют общественным группам древних людей, сознававших общность своего положения, и выразивших это сознание в формах погребального обряда»⁷⁶.

Работа с материалами погребений и анализ содержащейся в них информации являются, вероятно, наиболее сложными в археологии, поскольку в этом случае мы имеем дело с результатом сознательных действий людей Средневековья, со своего рода «артефактным текстом», подчиненным определенной имманентной логике. Характер такой знаково-символической системы определялся социальным статусом покойника и ритуалами погребений, принятыми в данном обществе. В современной науке разработано несколько подходов к работе с подобными феноменами заупокойных практик, в том числе и направленных на реконструкцию социальных иерархий и маркеров разных страт.

Говоря о социоинформативности погребального памятника и обряда, необходимо отметить, что погребальная обрядность отражает не столько объективную *реальность*, существующую в обществе, сколько *представление* общества об этой реальности⁷⁷.

Среди дифференцирующих признаков, характеризующих погребальные комплексы, выделяются два различных уровня, несущих различную историческую информацию. «Признаки явного уровня» трактовались самим обществом в качестве социальных индикаторов и регламентированные обрядом. Эти признаки как раз и призваны отразить существующие в обществе социальные *концепции*. «Признаки неявного уровня» содержат информацию о градациях общества, не осознававшихся самими его членами⁷⁸.

Предметы вооружения в погребении, безусловно, являются «признаками явного уровня». Они показывают то место, которое занимал погребенный в социальной концепции общества, члены которого сочли необходимым сопроводить погребение оружием. Оружие здесь выступает как некий «символ», социальный маркер дружинного погребения.

Поэтому не *род занятий*, а именно *место, занимаемое в социальной концепции общества*, определяют присутствие оружия в дружинном погребении. Здесь достаточно вспомнить, например, детские погребения с оружием и предметами «дружинной культуры» (как, например, камерное детское погребение № 110 (раскопки 1909 г.) в районе Десятинной церкви в Киеве). Погребенные дети, естественно, не могли являться действующими дружинниками, но, поскольку они принадлежали к дружинной среде, с ними в погребение клали при захоронении оружие. Также можно вспомнить случаи нахождения в «дружинных курганах» предметов ремесленного производства, культовых предметов, которые, естественно, не демонстрировали род занятий, а являлись определенным символом. Оружие, вероятно, также являлось символом, демонстрирующим место погребенного в *имажинарно-мифологической* социальной системе (которая может и отличаться от *реальной* социальной структуры) общества. Поэтому, вероятно, не всегда можно относить небогатые и малоинвентар-

⁷⁶ Лебедев Г.С. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов) // Краткие сообщения Института археологии. 1977. № 148. С. 25.

⁷⁷ Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // Российская археология. 1993. № 1. С. 78–94.

⁷⁸ Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Социальная реальность – идеология – погребальный комплекс (к проблеме соотношения) // Конференция «Идеологические представления древних обществ». Тезисы докладов. М., 1980. С. 31–32.

ные погребения с оружием к различным группам «рядовых вооруженных общинников», «ополченцев» (как это зачастую делалось в советской историографии) или др. То есть погребения с оружием можно интерпретировать как принадлежащие профессиональным воинам, поскольку только их социальный статус находил отражение в специфическом погребальном обряде (наличие оружия в инвентаре); другие социальные группы таких маркеров в погребальном обряде не имели. Именно поэтому только предметам вооружения при определении дружинного погребения можно отводить ключевую роль.

Рис. 8. Серебряные шейные гривны. Гнездово. X в.

Обращает на себя внимание устойчивость процента погребений с оружием для крупных торгово-ремесленных поселений на Днепровском и Волжском путях. Как правило, воинские погребения составляют от 10 до 13 % по отношению к общему числу раскопанных курганов. Устойчивость этого процента для нескольких памятников говорит об однотипном характере присутствия здесь воинских контингентов.

В Гнездове погребения с оружием составляют по разным подсчетам от 10 до 13 %. Здесь в нескольких курганных группах, изначально насчитывающих около 4500 курганов, исследовано около 1000 насыпей. В 115 курганах встречены предметы вооружения в погреб-

бальном инвентаре⁷⁹. До 50 погребений Гнездова содержат из оружия в инвентаре только стрелы (как правило, от 2 до 5 штук), и при этом включают также предметы «дружинной культуры», на основании чего включены в круг воинских погребений⁸⁰.

В Тимереве процент погребений с оружием составляет 12 %, в Михайловском – 11,5 %, в Петровском – 12 %. Всего в могильниках Ярославского Поволжья выявлено 85 курганов с предметами вооружения из 714 раскопанных насыпей. Среди них 34 кургана содержат в инвентаре одиночные стрелы, не сочетающиеся с другим вооружением⁸¹ (что в процентном отношении от общего числа курганов с предметами вооружения сопоставимо с Гнездовым).

Учитывая, что в Гнездове численность постоянного населения колебалась от 400 до 600 человек⁸², можно предположить, что численность воинского отряда здесь должна была составлять около 60 человек (исходя из процентного соотношения погребений с оружием). Подобные размеры дружины реконструируются и для более раннего (IX – начало X в.) Супрутского контрольно-административного центра на Донском пути. По реконструкции А.В. Григорьева при общей численности населения Супрут около 300 человек здесь находился постоянный дружинный отряд численностью около 40 воинов (что также составляет 13 % супрутского населения)⁸³. Определение постоянного дружинного отряда для Тимерева, Михайловского и Петровского более осложнено. Если рассматривать эти пункты в Ярославском Поволжье как общий центр контроля торгового пути в этом регионе, то, возможно, речь идет о каком-то общем воинском отряде, отраженном в материале этих трех могильников (здесь уместно вспомнить общее мнение об «аристократичности» Михайловского могильника). В таком случае здесь можно также предположить общую численность профессионального воинского отряда до 40 человек.

Аналогичные по численности характеристики имел в X в. и постоянный воинский отряд Бирки. Типологически близкие торгово-ремесленные поселения Гнездово, Бирка и центр в Ярославском Поволжье, выполняя одинаковые функции на общеевропейских торговых путях, демонстрируют в этом отношении сходство и в социальной организации. В Бирке выделяется отдельный участок поселения, так называемый «Гарнизон» (Garrison), перекрывающий единственный открытый путь от берега к укрепленному городищу (Borg). Археологический материал позволяет интерпретировать «Гарнизон» как местоположение постоянного профессионального воинского отряда – дружины Бирки. В материалах этого участка зафиксированы практически все виды вооружения: наконечники стрел, копий и дротиков, топоры, два наконечника мечей, клинок скрамасакса и оковки ножен от него, фрагменты кольчужного полотна, пластины ламмелярного доспеха и, возможно, детали шлема. Здесь, помимо укреплений, находилась кузница, основной задачей которой был ремонт оружия и доспеха. Центральной постройкой на территории «Гарнизона» были так называемые воинские палаты (Warrior's hall). Это длинный дом «треллеборгского типа» с ладьевидными стенами, размеры постройки 9×19 м. Это сооружение и было местом постоянного пребывания воинов Бирки. Примечательна судьба этого участка поселения: в период гибели Бирки, в конце X в., на «Гарнизон» была направлена основная волна штурма – длинный дом гибнет в пожаре⁸⁴, что позволило исследовать его в «законсервированном» состоянии как единовременно погибшую постройку. Материалы «Гарнизона» позволили шведским исследователям

⁷⁹ Расчеты любезно предоставлены С.Ю. Каиновым.

⁸⁰ Фетисов А.А. Функции стрел в погребальном инвентаре «дружинных курганов» // Российская археология. 2004. № 2. С. 89–98.

⁸¹ Расчеты любезно предоставлены С.С. Зозулей.

⁸² Пушкина Т.А. Гнездово: итоги и задачи исследования // Гнездово. 125 лет исследования памятника. М., 2001. С. 9.

⁸³ Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Волги. Тула, 2005. С. 158.

⁸⁴ Hedenskierna-Jonson, Ch. The Birka Warrior. The material culture of a martial society / Theses and Papers in Scientific Archaeology, no. 8. Stockholm. 2006.

реконструировать численность дружинного отряда Бирки. Опорным материалом здесь стало обнаружение вдоль стен «воинских палат» ряда сундуков, в которых воины хранили свое личное имущество (сохранились замки и оковки сундуков) и количество костяных гребней и футляров от них и их фрагментов (гребень в костяном футляре в данном контексте считается элементом воинской культуры). Численность постоянного воинского отряда Бирки, таким образом, была определена ориентировочно в 40 человек. При этом материалы «воинских палат» отчасти позволяют реконструировать и внутреннюю структуру, «ранжированность» внутри этой дружины, поскольку пространство этого «длинного дома» разделено на несколько зон в зависимости от статуса проживающих там воинов⁸⁵. Реконструированная численность дружины Бирки совпадает с размерами гарнизонов ряда английских замков XII в., согласно исследованиям Майкла Прествича⁸⁶ и на основании информации из «Больших списков Королевской казны», которые велись с XII в. («Exchequer Pip Rolls») – отряды эти насчитывали от 20 до 60 воинов.

Материалы Бирки не только отражают наиболее близкую к Гнездову ситуацию, но и в значительной степени подтверждают нашу методику выделения и анализа дружинных погребений для древнерусских памятников. Могильник Бирки по размерам в целом сопоставим с могильником Гнездова. Из 1100 раскопанных в Бирке курганов предметы вооружения содержатся в 102⁸⁷; это дает нам около 10 % воинских погребений на этом памятнике, на что одним из первых указал еще Г.С. Лебедев⁸⁸. Учитывая реконструированную А.-С. Грэлунд численность постоянного населения Бирки в 500–600 человек⁸⁹, можно, таким образом, говорить о пребывании здесь постоянного дружинного отряда в 50 человек. Эти статистические подсчеты практически полностью совпадают с результатами анализа материалов «Гарнизона» Бирки (т. е. поселенческого слоя), описанными выше, которые дают цифру 40 человек.

Таким образом, мы можем реконструировать размеры постоянных дружинных отрядов, необходимых для защиты и обеспечения функционирования торгово-ремесленных поселений Древней Руси. Как видим, размер такого отряда прямо пропорционален численности постоянного населения поселка. Причем в этих подсчетах речь идет лишь о коллективе профессиональных воинов-дружинников, поскольку только их социальный статус находил отражение в специфическом погребальном обряде (наличие оружия в инвентаре); различного рода «ополченцы» и «вои» из рядового населения, которые собирались только для каких-либо крупных военных предприятий, никаких социально значимых маркеров в погребальном обряде не имели.

Значительно большее число воинских погребений зафиксировано в Шестовице. Д.И. Блифельд относит здесь к числу «дружинных» 30 курганов из 147 раскопанных, что составляет около 20 %⁹⁰. Такой высокий процент воинских погребений, по всей видимости, объясняется социально-политической спецификой этого дружинного лагеря. С известной долей осторожности можно попытаться подсчитать процент погребений, относящихся к дружинной среде в Киеве. По материалам раскопок М.К. Каргера подобные погребения составляют здесь около 18 %.

⁸⁵ Там же. С. 61.

⁸⁶ *Prestwich, M.* The Garrisoning of English Medieval Castles // *The Normans and their Adversaries at War*. Woodbridge, 2001. P. 185–200.

⁸⁷ *Thalin-Bergman L.* Die Waffengraber von Birka/ Birka II: 2. Systematische Analysen der Graberfunde / ed. Greta Arwidsson. Stockholm, 1986. S. 5–10.

⁸⁸ *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 116.

⁸⁹ *Graslund A.-S.* The Burial Customs. A Study of the Graves on Björko. Birka IV. Stockholm, 1980. P. 82–83.

⁹⁰ *Блифельд Д.И.* Давньоруськи пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977. С. 92–99.

Подсчеты численности военных отрядов на основе процента погребений с оружием на тех или иных некрополях осуществлялись также чешскими исследователями для памятников Великой Моравии. В захоронениях, расположенных на территории великоморавских градов, до трети мужчин имеют военные атрибуты; в раннефеодальных усадьбах этого же времени удельный вес захоронений воинов чуть больше – около 20–40 % (что сопоставимо с шестовицким дружинным лагерем в непосредственной близости от Чернигова)⁹¹.

О постоянной численности великокняжеской дружины Киева можно судить и по отрывку из сочинения Ибн-Фадлана, посланника багдадского халифа в Волжскую Булгарию в 920-е гг. Арабский путешественник пишет, что вместе с царем русов «постоянно находятся 400 мужей из числа богатырей, его сподвижников». По данным Константина Багрянородного, гарнизон Саркела, одной из крупнейших хазарских крепостей, состоял из 300 воинов. В этой связи можно предположить, что пункты, подконтрольные раннегосударственной власти (подобно Шестовице или Саркелу), содержали значительно большие постоянные воинские контингенты, чем «самостоятельные» торгово-административные центры (Гнездово, Тимерево). В этом отношении показательны так называемые «королевские лагеря» Дании (Треллеборг, Фюркат, Аггерсборг), включавшие сотни воинов.

Дружины северных предводителей по численности, судя по сообщениям саг «Круга Земного», были вполне сопоставимы с описанными воинскими отрядами Гнездова, Бирки или торгово-ремесленного центра Ярославского Поволжья. «Сага о Харальде Прекрасноволосом», описывая нововведения Харальда на захваченных землях, отмечает, что каждый ярл (управляющий достаточно большой областью-фюльком) в случае необходимости должен был предоставлять конунгу отряд из 60 воинов. Личная дружина самого Харальда состояла также из 50–70 человек: в саге говорится, что вся его дружина смогла составить команду одного «большого и роскошного корабля с драконьей головой» – команда боевого корабля составляла обычно около полусотни воинов. Информацию о составе дружин дает описание распространенного в средневековой Скандинавии приема политической борьбы – сжигание противника в доме со всей его дружиной во время пира⁹². Сознвая общую условность приведенных в «Круге Земном» численностей воинских отрядов, отметим все же, что в таких эпизодах (сожжение предводителя с дружиной) фигурируют обычно коллективы до 90 человек⁹³.

Причем отряды такой численности были вполне боеспособны для выполнения различных военных акций и политических задач. В этом отношении довольно примечательный сюжет связан с борьбой за Оркнейские острова. По распоряжению ярла Мера Регнвальда, Торф-Эйнар на одном боевом корабле (т. е. также около полусотни воинов) захватил Оркнеи, выбив отряды хозяйничавших там викингов, и остался со своими воинами править островами.

Обращает на себя внимание тот факт, что как при подсчетах постоянных воинских контингентов торгово-ремесленных поселений Восточной и Северной Европы (Гнездово, Бирка), так и в упоминаниях подобных отрядов в письменных источниках (саги) речь идет в большинстве случаев о воинском объединении, соотносимом по численности с командой боевого корабля. При этом, если для Скандинавии такая связь может быть прямой, то в случае с Восточной Европой это практически невозможно – по восточноевропейским рекам не ходили корабли, способные вместить до 70 человек, как это могло быть на Балтике. В связи с этим чрезвычайно показателен в сагах ряд сюжетов с описанием вейцлы. В «Саге

⁹¹ Рутткаи А. Войско и вооружение в великоморавский период // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 145.

⁹² Хлевов А.А. Дружина Севера как исторический феномен // Скандинавские чтения 1998 года. СПб., 1999. С. 55–56.

⁹³ Круг Земной. М., 1980. С. 44–58.

об Олаве Святом» говорится, что «обычно, когда конунги объезжали Уппленд, с ними было шестьдесят или семьдесят человек» (в противопоставление Олаву, который однажды взял с собой более трехсот)⁹⁴. Эпизод из «Саги об Олаве Тихом» позволяет трактовать такую численность отряда (60–70 человек) как определенную *правовую традицию*. Олав Тихий объезжал бондов с дружиной в 120 человек⁹⁵ (не считая других сопровождающих лиц). Бонды, вероятно недовольные таким количеством «гостей», спрашивали Олава, «почему у него больше людей, чем *полагается по закону* (выделено нами. – *Авт.*) и чем было у конунгов до него»⁹⁶. Можно предположить, что численность личных дружин скандинавских предводителей имела в основе своей традицию («закон»), восходящую к численности корабельной команды – воинам, находящимся с конунгом в бою на одном корабле (своего рода фелаги).

Неоднократно отмечалась типологическая близость институтов вейцлы и полюдья – кормления князя с дружиной на подчиненных территориях в зимний период. В связи с этим описания такого кормления в сагах (включая численность «кормящихся» и ее традиционно-правовую подоплеку), возможно, могут быть отчасти спроецированы и на Древнюю Русь. В письменных источниках древнерусское полюдье упоминается только в сочинении Константина Багрянородного. В его описании в связи с интересующей нас темой в первую очередь обращают на себя внимание слова, что в ноябре архонты «выходят *со всеми* (выделено нами. – *Авт.*) росами из Киавы и отправляются в полюдия»⁹⁷.

Напомним, что в данной работе речь идет только о воинских коллективах, либо составляющих личные дружины, либо необходимых для контроля торгово-административных центров. Для масштабных военных акций люди набирались специально и только на время похода. Так, в «Саге о Хаконе Добром» при описании подготовки похода Эйрика Кровавой Секиры на побережье Англии говорится, что Эйрик объехал несколько регионов, собирая войска: помимо собственных отрядов, он собрал воинов с Оркнейских островов, «Южных островов» и из Ирландии. Подобным же образом, по всей видимости, комплектовались войска и для походов русов на Каспий в 912–913 гг. и 943–944 гг., и для походов Олега и Игоря на Константинополь.

Очевидно, что дружина составляла только костяк, основу войска, выполняя иногда функции офицерского корпуса и гарнизонов опорных пунктов власти. Для больших походов предводители обычно набирали ополченцев, добровольцев и наемников, которые и формировали основную массу армий.

В плане выражения дружинную культуру Восточной и Северной Европы отличают следующие артефакты:

– *Предметы вооружения*, которые в большинстве случаев не имеют этнической окраски. Большинство типов оружия являются общераспространенными для средневекового мира Восточной, Северной и отчасти Западной Европы. Этническую привязку имеют лишь некоторые категории вооружения, но и они в большинстве случаев свидетельствуют не столько о происхождении их владельцев, сколько о направлении культурных связей. Так, например, ланцетовидные наконечники копий и стрел считаются скандинавскими; распространение топоришков-чеканов (с молоточковидным обухом) связывается с аланским (или шире – салтовским) населением степи и лесостепи. Формы большинства предметов вооружения в принципе определяются не этнической спецификой, а универсальной функциональностью.

⁹⁴ Там же. С. 186.

⁹⁵ Напомним, что в данном случае речь идет о событиях второй половины XI в.

⁹⁶ Круг Земной... С. 465.

⁹⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху Раннего Средневековья. С. 273. Можно предположить, что речь в данном случае идет если не обо всей великокняжеской дружине (что маловероятно), то о большей ее части.

– *Иноэтнические вещи*, скандинавские в первую очередь, а также салтовские, балтские, венгерские и др. (детали поясной гарнитуры, некоторые элементы конского снаряжения, мужские и женские украшения). *Предметы импорта и следы военной добычи* – прежде всего добытого в походах на Византию и в Малую Азию.

– *Находки торгового инвентаря* – весовые гирьки, детали весов, предметы, связанные с международными и внутренними коммуникационными путями.

– «*Дружинные курганы*» – языческие погребения представителей княжеских домов, предводителей и членов дружин IX – первой половины XI в. Их зачастую отличает богатый погребальный инвентарь, оружие, наличие погребальных сооружений, масштабы погребальной насыпи.

Комплекс древнерусского оружия отразил все основные социоэтнические и культурно-политические тенденции эпохи раннего Средневековья, характерные для Руси. Большинство предметов вооружения связаны с крупными центрами международной торговли (торгово-ремесленными поселениями), опорными пунктами власти первых князей Рюриковичей и других династий (погосты), в меньшей степени территориальными «племенными» центрами славян. Именно полиэтничная дружинная среда воинов, гребцов, мореходов, торговцев «руси» аккумулировала основные достижения военного дела разных народов и определяла моду на типы оружия и общий стиль одежды и аксессуаров воинов. При этом часть оружия была универсальна, а часть была специфическим признаком «профессионалов». Дружинная культура Восточной Европы формировалась под влиянием скандинавской, степной, моравской и европейской военных традиций. При этом «русы» явно не умели вести регулярный конный бой, хотя, конечно, и использовали лошадей, зато кочевники были непревзойденными специалистами в кавалерийской тактике. «Пешие» дружины Северной Европы принесли на территорию Древней Руси следующие категории и типы вооружения: «каролингский меч», скрамасакс, круглый щит, ряд типов копий и топоров, наконечники стрел ланцетовидной формы, а также элементы декоративно-прикладного характера – ледоходные шипы и шумящие плети. Из мира кочевников пришли на Русь сфероконический шлем, сабля, кистени, сложный лук, возможно, булавы и основные элементы снаряжения и костюма (кафтан, островерхие шапки, наборные пояса, сумки-ташки) всадника и его коня. Однако на территории Древней Руси формируются и оригинальные варианты оружия и доспехов (отдельные типы шлемов, мечей, топоров, наконечников стрел)⁹⁸. Значительно позже из Европы был заимствован «каплевидный» так называемый нормандский щит для тяжеловооруженного конника.

Скандинавская составляющая (которую часто называют «скандинавской вуалью») «дружинной культуры», пожалуй, наиболее значительна по сравнению с другими иноэтничными влияниями. Достаточно ярко этот пласт прослеживается по погребальным памятникам, связанным с торговыми путями.

Масштабы скандинавского присутствия на «дружинных» памятниках всегда были предметом пристального внимания исследователей, поскольку эти масштабы в конечном итоге определяли и социополитические реконструкции. В этом отношении в исторической науке представлен полный диапазон мнений: от идеи «скандинавской колонизации» по крайней мере Северной Руси (Т. Arne, А. Stender-Petersen) до идеи о практически полном отсутствии если уж не скандинавских древностей, то хотя бы их «носителей» (Б.А. Рыбаков и др.).

Определение доли скандинавов на древнерусских памятниках возможно пока только по материалам могильников. При этом важен принцип отбора критериев для определения этнической принадлежности погребенных. Так, Арне исходил из положения, что практиче-

⁹⁸ Авторы благодарят С.Ю. Каинова за консультации по проблемам вооружения раннего Средневековья, описание оружейного комплекса Древней Руси основано на материалах дипломной работы С.Ю. Каинова.

ски все погребения, где есть скандинавские вещи, являются скандинавскими. Д.А. Авдусин, напротив, долгое время считал скандинавскими только те погребения, в составе инвентаря которых скандинавские вещи не сочетаются ни с одной славянской⁹⁹.

Со временем сложились общие (хотя и на сегодняшний день неустойчивые) признаки скандинавских погребений Древней Руси, к которым относятся: наличие каменной кладки в основании насыпи, кострище подтреугольной формы, набор женских скандинавских фибул (для женских погребений), шейные гривны, обряд порчи оружия¹⁰⁰, скандинавские амулеты, ряд предметов вооружения (ланцетовидные наконечники копий, умбоны щитов), «плоская» форма насыпи кургана¹⁰¹, некоторые типы погребальных обрядов (захоронение в ладье или с деталями лодки¹⁰², камерные погребения) и др.

При рассмотрении этих признаков, безусловно, остается ряд сложностей и вопросов: какие варианты сочетаний этих признаков достоверно могут свидетельствовать о скандинавском происхождении погребенного и каков характер связи этих признаков с конкретными половозрастными группами погребенных¹⁰³? Насколько могла сохраняться «этническая чистота» погребального инвентаря, например для второго поколения выходцев из Скандинавии¹⁰⁴, насколько и в какой форме возможны взаимопроникновения иноэтнических элементов в те или иные этнические и социальные группы и т. д.?

Так же противоречивы и критерии для определения процентного соотношения различных этнических групп (и выделения процента скандинавских погребений) для того или иного могильника. Так, например, И.П. Шаскольский в 1960-х гг. предлагал определять долю скандинавских погребальных комплексов относительно общего числа раскопанных курганов. В результате он получил следующие цифры: в Гнездово скандинавские погребения составляют 4 %; в Тимерево – 4 % (38 % – финны, 15 % – славяне). На основании этих цифр делался вывод о незначительности скандинавского присутствия¹⁰⁵. Подобным же принципом руководствовался и Д.А. Авдусин в 1980-х гг. при определении скандинавских погребений в Гнездово, выделив около 60 скандинавских комплексов из 1000 раскопанных курганов¹⁰⁶. В случае, если нет достоверных этнических признаков, Д.А. Авдусин предлагает считать погребение славянским, поскольку оно расположено на славянской территории¹⁰⁷.

Более последовательно и обоснованно определить удельный вес скандинавского компонента попытались в совместной работе Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев и В.А. Назаренко. Вопрос о появлении скандинавских древностей на территории Руси они делят на три аспекта: появление скандинавских вещей, появление скандинавских погребений и появление признаков обитания скандинавов на поселениях¹⁰⁸.

Что особенно важно, Л.С. Клейн и его соавторы предлагают определять процент скандинавских погребений не от общего числа *раскопанных*, а от общего числа *этнически определенных* курганов, и сравнивать этот процент с числом *достоверно славянских* комплексов.

⁹⁹ Авдусин Д.А. Варяжский вопрос по археологическим данным // КСИИМК. 1949. Вып. 30. С. 7–8. С 1970-х гг. Д.А. Авдусин постепенно изменил свою точку зрения на долю скандинавских погребений в Гнездово.

¹⁰⁰ Авдусин Д.А. Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу // СС. Вып. XX. Таллин, 1975. С. 150.

¹⁰¹ Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнездове // Смоленск и Гнездово. М., 1991. С. 203.

¹⁰² Стальсберг А. О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология. М., 1998. С. 277.

¹⁰³ Жарнов Ю.Э. Указ. соч. С. 200, 203.

¹⁰⁴ Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники... С. 46.

¹⁰⁵ Шаскольский И.П. Норманнская теория в современной буржуазной науке. М.-Л., 1965. С. 125, 158.

¹⁰⁶ Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Гнездово в исследованиях Смоленской экспедиции // Вестник Моск. ун-та. Серия 8. История. 1982. № 1. С. 77.

¹⁰⁷ Авдусин Д.А. Варяжский вопрос... С. 8.

¹⁰⁸ Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970. С. 236.

Этнически определимыми в Гнездово авторы считают не более 31 % раскопанных курганов, из которых количество славянских погребений составляет 27 %, количество скандинавских – не менее 13 %. Для Тимерево (при 43 % этнически неопределимых погребений) было получено следующее соотношение: в X в. финны – 75 %, славяне – 12 %, скандинавы – 13 %; в начале XI в. финны – 72,5 %, славяне – 24 %, скандинавы – 3,5 %¹⁰⁹.

Исходя из полученных данных, Клейн и его соавторы приходят к выводу, что «на тех участках Волжского и Днепровского торговых путей, где в IX в. мы находим отдельные норманнские погребения, в X в. варяги составляли не менее 13 % населения отдельных местностей; при этом в Ярославском Поволжье численность варягов была равна, если не превышала, численности славян, в других же районах сравнение со славянами провести не удалось»¹¹⁰.

При этом авторы отмечают, что нельзя, естественно, все скандинавские погребения связывать только с дружинной средой. Подобные погребения могут принадлежать и рядовому «недружинному» населению выходцев из Скандинавии. И в Гнездове, и в Ярославском Поволжье можно выделить серии погребений, аналогичных массовому материалу Бирки (т. е. серии погребений, принадлежащих рядовому населению выходцев из Скандинавии)¹¹¹.

Большой процент скандинавских комплексов в Гнездове реконструировал Ю.Э. Жарнов, рассматривая женские скандинавские погребения. По его мнению, скандинавы составляли не менее четверти гнездовского населения¹¹².

Необходимо также отметить и активные связи древнерусской дружины с кочевым миром. О проникновении тюркских элементов в «дружинную культуру» свидетельствует целый ряд признаков: распространение наборных поясов, некоторых видов (и форм) вооружения, характерные изменения камерного обряда погребения с конем, когда конь помещается уже не в ногах погребенного (как принято в Скандинавии), а сбоку (как было принято у кочевников и зафиксировано в ряде комплексов Киева, Черниговщины и Гнездова)¹¹³.

В этом отношении особенно интересна предложенная В.Я. Петрухиным интерпретация изображений на ритонах из Черной Могилы как отражение хазарского сюжета борьбы за власть «священного царя» – кагана¹¹⁴. Также необходимо отметить сходство некоторых особенностей погребального обряда Черной Могилы, Гульбища и кургана княжны «Черны» с аналогичными ритуалами в салтовских древностях и более ранних памятниках (погребальный комплекс у с. Вознесенка). В.Я. Петрухин в связи с этим приходит к выводу, что причина здесь не просто в полиэтничности «дружинной культуры», а в непосредственном участии в данных обрядах самих носителей салтовских традиций: «Выходцы из Хазарии и – шире – кочевого мира степей (в IX–X вв. это венгры и печенег), очевидно, наряду с норманнами входили в русскую дружину и принимали участие в формировании ее культуры»¹¹⁵.

¹⁰⁹ Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. Норманнские древности Киевской Руси... С. 246.

¹¹⁰ Там же. С. 248.

¹¹¹ Там же. С. 251.

¹¹² Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения Гнездово // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М., 1991. С. 216.

¹¹³ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории... С. 99.

¹¹⁴ Там же. С. 99.

¹¹⁵ Там же. С. 100.

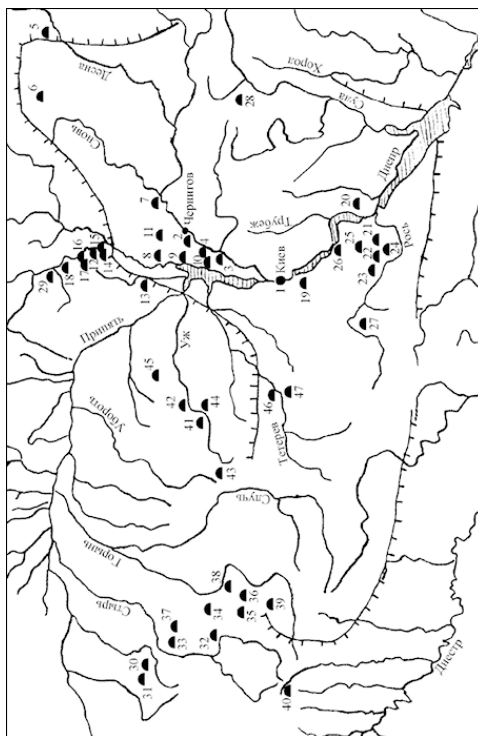

Рис. 9. Погребения Южной Руси с оружием, камерными захоронениями и «срубам». X – XI вв. (контуром показана линия границы «Русской Земли» по А.Н. Насонову). 1 – Киев; 2 – Чернигов; 3 – Шестовицы; 4 – Гуцин; 5 – Кветунь; 6 – Левинка; 7 – Седнев; 8 – Любеч; 9 – Пересаж; 10 – Табаевка; 11 – Клонов; 12 – Мохово; 13 – Микуличи; 14 – Колпень; 15 – Сенское; 16 – Заужелье; 17 – Дубовицы; 18 – Козлово-Курганье; 19 – Китаев; 20 – Леплява; 21 – Поток; 22 – Липовец; 23 – Кагарлык; 24 – Зеленки; 25 – Бурты; 26 – Краснополка; 27 – Яблоновка; 28 – Липовое; 29 – Гориводы; 30 – Горка Полонная; 31 – Усичи; 32 – Мокрое; 33 – Теремное; 34 – Пересопница; 35 – Белев; 36 – Старожуков; 37 – Ставок; 38 – Колоденка; 39 – Понебель; 40 – Подгорцы; 41 – Коростень; 42 – Сингаи; 43 – Андреевичи; 44 – Барды; 45 – Овруч; 46 – Коростышев; 47 – Быково

Со скандинавским влиянием связывают несколько наиболее ярких типов воинских погребений Древней Руси. В современной археологической науке выделяются так называемые большие курганы, характеризующиеся общими чертами погребального обряда, сходным инвентарем и конструктивными характеристиками. Из наиболее известных больших курганов на территории Древней Руси середины – второй половины X в. можно назвать шесть подобных насыпей в Гнездове и ряд курганов Чернигова (Черная Могила, Гульбище, Безымянный курган, курган № 2 «кладбища в Березках»). Эти насыпи являются частью общей погребальной традиции, распространенной по всей Северной Европе (включая Англию и Нормандию) во второй половине I тыс. н. э. (Саттон-Ху, Осеберг, Гокстад, Туне, Йеллинг, Маммен и др.)¹¹⁶. Большинство из них являются захоронениями военных вождей, чье погребение требовало включения в инвентарь богатого вооружения, пиршественной посуды (ритуальные котлы) и погребальных ладей. Этот погребальный обряд с участием ладьи/лодки или их деталей на территории Древней Руси представлен на нескольких памят-

¹¹⁶ Петрухин В.Я. Большие курганы Руси и Северной Европы // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998. С. 361–368.

никах конца IX-X вв. в Чернигове, Гнездове, Тимереве, Плакуне, могильниках Юго-Восточного Приладожья (Карлуха, Усть-Рыбежна, Ильинский Погост)¹¹⁷.

Рис. 10. Деталь носовой части корабля из погребения в Осеберге (*Норвегия*), вторая половина IX в.

В северо-германском эпосе сжигают на кляде или погребают в ладьях самых выдающихся правителей и героев – ладьи ждали после смерти потомка Одина Скъельда (Скильда) и Синфьетли, сына Сигмунда, на берегу моря захоронили тела великих героев Беовульфа и Аякса Старшего.

¹¹⁷ Стальсберг А. О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998. С. 277–279.

Значимым по престижности и элитарности был обряд погребения в деревянной камере, появившийся в Древней Руси около середины X в. (за исключением Старой Ладogi, где камерные погребения относятся к концу IX в.)¹¹⁸. Камерные захоронения (в яме больших размеров, с использованием деревянной конструкции-камеры) расположены преимущественно на раннегородских могильниках или некрополях, связанных с крупными торгово-ремесленными и административно-контрольными центрами – Старой Ладогой, Тимеревом, Псковом, Гнездовом, Киевом, Черниговом, Шестовицами. Камерные погребения центров Древнерусского государства X в. скорее всего связаны с североευропейской традицией захоронений нового социального слоя королевских дружинников. В Северную Европу этот обряд был, видимо, привнесен с континентальной Европы, из Каролингской империи¹¹⁹. Камерные погребения характерны для культуры Великой Моравии, где они также появляются под влиянием соседней империи Каролингов. Этот обряд дольше всего сохранялся в Древней Руси, вплоть до XI в. Именно камерные погребения являются одним из важных индикаторов «окняжения» славянских территорий, в X в. они концентрируются вдоль пути «из варяг в греки», в XI в. появляются на периферии Древнерусского государства, четко маркируя процесс феодализации дружины, ее «оседание на землю»¹²⁰. Археологически известны захоронения представителей элиты с использованием деревянных конструкций на племенных восточнославянских территориях, не связанные непосредственно с торговыми путями: «срубы» Волыни на Правобережье Днепра, конструкции, углубленные в землю и на уровне горизонта, на территориях радимичей, вятичей и донских славян. Камерные погребения широко известны в кочевом мире. Везде создание деревянных сооружений в погребениях – признак высокого статуса покойника.

Развитие погребальной дружинной традиции условно можно разделить на два этапа. 1-й – конец IX – вторая половина X в. (период становления и институционализации древнерусской дружины) характеризуется большой вариативностью форм обряда (включая существование «богатых» и «рядовых» дружинных погребений), значительным разнообразием в наборе предметов вооружения; 2-й – примерно с конца X в. (период унификации дружинной погребальной культуры) все эти признаки нивелируются, погребальный инвентарь в большинстве случаев исчезает из погребений (что связано в том числе с влиянием христианства), набор предметов вооружения становится достаточно однотипным (что связано, вероятно, с изменением статуса самой дружины и ее внутренней стратификации). В течение XI в. облик «дружинной культуры» Древней Руси значительно изменяется. С конца X – начала XI в. о Древней Руси уже можно говорить как о государственном институте. В период Владимира Святославича – Ярослава Владимировича происходит окончательное оформление государственной территории, что отчасти привело к изменению прежних механизмов управления. Дружинная организация, бывшая в X в. практически единственной опорой великокняжеской власти, теряет часть своих функций; развивается городская структура, подчиненная власти Киева; появляется фиксированное право. Можно предположить, что в этот период происходит определенная унификация «дружинной культуры» и нивелировка наиболее ярких ее признаков. Этот процесс был вполне закономерен: во многих европейских средневековых обществах яркая и эклектичная дружинная культура периода формирования этого социального института постепенно унифицировалась с оформлением нового феодального обще-

¹¹⁸ Михайлов К.А. Древнерусские элитарные погребения X – начала XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах). Авт. дис... канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 18–22.

¹¹⁹ *Eisenschmidt S. Kammergraber der Wikingerzeit in Altdänemark. Universitätsforschungen prähistorischen zur Archäologie.* Bonn, 1994.

¹²⁰ Поздние камерные погребения на Руси не без основания связывают с распространением христианства (Мусин А.Е. *Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета.* СПб., 2005. С. 138–151).

ства¹²¹. Христианизация, затронувшая в первую очередь социальные верхи древнерусского общества, значительно способствовала этой нивелировке. Кроме того, произошел постепенный переход от тактики и сопутствующей воинской экипировки (и, шире, субкультуры) «морской пехоты» «руси» и варягов (удачно названных в византийских источниках «росами-дромитами»¹²²) к всаднической, многое позаимствовавшей из мира Степи культуре русской дружины второй половины XI в.

Возвращаясь к проблематике ранних дружинных древностей начального периода русской истории, нужно указать несколько принципиальных моментов, практически не учтенных в историографии, но важных с точки зрения интерпретации феномена дружины в Древней Руси.

Во второй половине IX – середине X в. Киев еще не был единственным политическим центром Древней Руси. Киев и Новгород были столицами рода Рюриковичей, контролировавших самый значительный торговый путь «из варяг в греки». Альтернативными центрами власти являлись Чернигов, Смоленск (Гнездово), Полоцк, Туров; независимость от Киева сохраняли вожества славянских племен (восточных северян, вятичей, радимичей, стремились к автономии древляне). В «Повести временных лет» упоминаются также самостоятельные скандинавские династы, независимые от Рюриковичей, – Тур в Турове и Рогволд в Полоцке. Можно также реконструировать имя независимого князя Чернигова Черна¹²³ и предположить имя легендарного славянского основателя Галича, чье имя было ономотопетически связано с названием птицы «галица»¹²⁴.

На обширных территориях Восточной Европы могли действовать и самостоятельные воинские коллективы, иногда довольно многочисленные. Через Восточную Европу проходили крупнейшие торговые пути, связывавшие арабский Восток и Северную Европу. Именно торговля и захват военной добычи интересовали на территории Древней Руси предводителей «вольных дружин»¹²⁵, значительную часть которых составляли скандинавы.

Таким образом, в X в., помимо дружин князей Киева, на территории Древней Руси действовали и независимые дружины, следы которых должны фиксироваться археологией. Возможным памятником такого рода является поселение Сарское-2, расположенное в 200 м от Сарского городища, племенного центра мери. Это поселение существовало не более одного летнего сезона. Здесь, на небольшой площадке (около 300 кв. м), прослежены следы одной-

¹²¹ См.: Лебедев Г.С. Этюды о мечех викингов // Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991. С. 299; Кулаков В.И. История Пруссии до 1238 г. М., 2003. С. 211; Anne Pedersen. Similar Finds – Different Meanings? // Burial and Society. The Chronological and Social Analysis of Archaeological Burial Data. Aarhus, 1997. P. 180–182.

¹²² Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Перевод, статьи, комментарии Я.Н. Любарского. СПб., 1992. С. 175. (Кн. VI. 39). «Дромитами» (от греч. «бег») россов называли за способность быстро передвигаться пешком, видимо, за долгие пешие переходы и бег в строю. Этот эпитет также фонетически перекликался с греческим обозначением кораблей.

¹²³ Новик Т.Г., Шевченко Ю.Ю. Княжеская династия Чернигова и киевские Рюриковичи // Деснинские древности. Брянск, 1995; Шевченко Ю.Ю. Княжна-амазонка в парном погребении Черной могилы // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. СПб., 1999 (Сб. МАЭ. Т. LVII). Имя последнего князя Чернигова, похороненного в Черной Могиле, возможно, сохранилось в названии кургана, зафиксированном в Ипатьевской летописи – «Чернь». См.: Щавелев А.С. Особенности княжеских погребений языческой Руси (летописные известия и археологические данные) // Святителища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. С. 106–110; Щавелев А.С., Щавелев С.П. Черная Могила // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 134–141; Щавелев А.С. Имя Черниговского князя X века в фольклоре и истории // Уваровские Чтения IV. «Богатырский мир: эпос, миф, история». Муром, 14–16 апреля 1999 г. Муром: Муромский историко-художественный музей. Муромский институт Владимирского государственного университета, 2003. С. 41–42. См. статью А.С. Щавелева настоящего издания.

¹²⁴ Галицко-Волинская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Сост. Котляр Н.Ф., Франчук В.Ю., Плехонин А.Г. СПб., 2005. С. 80, 194. В летописи есть упоминание о «Галичине могиле», с которой была как-то связана легенда «о начале Галича, откуда ся почал».

¹²⁵ На возможность существования независимых, «вольных» дружин указал один из соавторов этого текста А.С. Щавелев, параллельно к близким выводам о существовании дружин, альтернативных княжеским, пришел А.В. Хлезов. Позже эта идея была воспринята Е.А. Шинаковым.

двух легких построек и открытого очага. Мощность культурного слоя очень незначительна, нет обычных для поселения остатков хозяйственной деятельности, мало керамики, но при этом найдено достаточно большое количество предметов вооружения: стрелы, пластины от доспеха, кольчужные кольца, копье-рогатина и др. Этот сезонный лагерь, просуществовавший очень недолгое время в начале X в., принадлежал, по всей видимости, дружинникам, проходящим по торговым путям через Сарское городище¹²⁶.

Уникальным памятником, на котором археологически зафиксировано присутствие дружины в IX в., является городище Супруты, расположенное на одном из притоков Оки – р. Упе. Супруты находились на одном из важных участков Донского торгового пути, соединявшего Каспий с районами Подесенья и Верхнего Поднепровья. Около начала – первой половины IX в. на Супрутах был организован дружинный отряд, причем произошло это, вероятно, при участии или по инициативе Хазарского каганата. Хазария контролировала значительную часть восточной торговли, выступая посредником между арабскими странами и Европой; Донской путь и значительная часть Волжского торгового пути находились под контролем каганата. При этих условиях вполне объяснима заинтересованность хазар в опорных пунктах на ключевых участках водных путей (учитывая, что под хазарским влиянием находилась значительная часть восточно-славянских земель Левобережья Днепра). На Супрутах в большом количестве встречены предметы салтовского, скандинавского и финно-угорского происхождения, что свидетельствует о межэтнических и торговых контактах. О присутствии здесь дружины (возможно, конной) говорит необычайно большое количество находок деталей конской сбруи (как салтовского, так и скандинавского характера), предметов вооружения, фрагментов поясных наборов¹²⁷.

Земледелие не играло на Супрутах важной роли – здесь был центр ремесленного производства большого региона, производились (или перепродавались) орудия труда, было активно развито ювелирное дело. Супрутская дружина обеспечивала деятельность торгового пути, собирала пошлины с торговых караванов и, возможно, выступала посредником при сборе дани с местного населения в пользу Хазарского каганата.

Супрутский контрольный центр гибнет в результате разрушительного штурма около 910-х гг., после чего Донской путь угасает и основное движение серебра осуществляется только через Волгу. Вероятно, инициаторами похода на Супруты были дружины русов, контролировавшие Волжский торговый путь в Верхнем Поволжье (Тимерево, Михайловское, Петровское)¹²⁸. Именно они были заинтересованы в главенстве Волжского пути.

В качестве гипотезы можно предположить, что этот рейд для уничтожения инфраструктуры Донского пути был предпринят из Ярославского Поволжья как реакция на агрессивные действия каганата в отношении «верхневолжской руси». Как известно из арабских источников (ал-Масуди, Ибн Исфендийар), около 909–912 гг. русы предприняли масштабный набег на Каспий, куда были по договоренности пропущены через территорию Хазарии. На обратном пути их дружины были перебиты мусульманской гвардией каганата. Отсутствие упоминаний об этом походе в «Повести временных лет» (которая освещала в первую очередь действия князей Киева) и относящееся к этому же времени уничтожение Супрут и Донского пути (который также снабжал каганат зерном с территорий северян) позволяют предположить, что поход на Каспий, а затем на Супруты был осуществлен дружинами, обосновавшимися в Верхнем Поволжье. Эти памятники (Тимерево, Михайловское, Петровское), являясь одним из ярчайших очагов «дружинной культуры» Древней Руси X – начала XI в., по всей видимости, на протяжении X в. не зависели от набирающего силу великокня-

¹²⁶ Леонтьев А.Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996. С. 99–103.

¹²⁷ Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона. Тула, 2005. С. 159.

¹²⁸ Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона. Тула, 2005. С. 163–164.

жеского Киева. В этот период они даже находятся за пределами внимания летописи. Ряд курганов наиболее полно изученного Тимеревского могильника имеет отчетливые связи с Аландскими островами. В 17 погребениях Тимерева встречены кольцевые или полукруглые каменные кладки, характерные для погребений на Аландах (могильник Кварнбакен); также в курганах Ярославского Поволжья встречены культовые слепленные из глины кольца и «бобровые лапы», которые также встречаются на Аландских островах. Тимерево, Михайловское и Петровское находились на одном из важных участков торгового пути, ведущего через Волгу на Балтику и проходящего через богатые пушниной районы Юго-Восточного Приладожья, где следы пребывания скандинавов (торговцев и воинов) известны с последней четверти IX в. Волжский путь сформировался гораздо раньше Днепровского и долгое время был ведущей магистралью движения арабского серебра. По нему проходили многочисленные торгово-военные отряды, один из которых, по всей видимости, описал Ибн-Фадлан в своих записках в 920-х гг.

Деятельность «полунезависимой дружины» в первой половине – середине X в. могла быть связана также с крупнейшим торгово-ремесленным поселением Восточной Европы – Гнездом. Предметы вооружения здесь встречены в 115 погребениях из примерно тысячи раскопанных курганов. Около 30 курганов содержат захоронения в камерах. По подсчетам, основанным на количестве женских скандинавских украшений в погребениях, скандинавы составляли не менее четверти населения Гнезда¹²⁹. Около середины X в. Киев уже начинает заявлять о себе как о политическом центре, однако характер контактов Гнезда со Средним Поднепровьем в этот период не совсем ясен. Можно предположить, что до середины X в. Гнездово было относительно независимым от великокняжеской власти Киева и подчиняется власти Рюриковичей только около 950-960-х гг.¹³⁰

Однако наиболее яркие памятники «дружинной культуры» соотносятся с центрами «руси» Среднего Поднепровья. В начале X в. (или на рубеже IX-X вв.) здесь появляется целый ряд памятников, с которыми связано большое количество воинских погребений. Помимо раннегородских центров Киева и Чернигова, это могильники и поселения, расположенные в основном в междуречье Днепра и Десны (Шестовицы, Гуцин, Седнев, Пересаж, Табаевка, Клонов, Звеничев). По материалам этих памятников прослеживается формирование и этапы развития эклектичной «дружинной культуры».

В политическом отношении Среднее Поднепровье и междуречье Десны и Днепра явились тем ядром, которое стало основой дальнейшей экспансии «руси» на протяжении X-XI вв. В рамках этой первоначальной территории сформировался и великокняжеский домен, получивший название «Русская Земля»¹³¹. Погребальные памятники дружины маркировали центры и границы этого домена и позволяют проследить этапы становления Киева как политического центра Древней Руси, победившего в конкуренции с альтернативными династиями и вооруженными группами.

Формирование раннегосударственной территории, безусловно, требовало создания опорных пунктов, содержащих воинские контингенты. В последние десятилетия X в. – первой половине XI в. домениальная территория киевских великих князей – «Русская Земля» – значительно расширяется, что можно зафиксировать и по данным археологии. По ее границам на подчиненных власти Киева землях Южной Руси распространяются дружинные

¹²⁹ Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнездове // Смоленск и Гнездово. М., 1991.

¹³⁰ Нефедов В.С. Гнездовский археологический комплекс и Путь из варяг в греки // Гнездово: история и современность. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Смоленск, 1998. С. 38–39; Мурашева В.В., Ениосова Н.В., Фетисов А.А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. М., 2007. С. 70.

¹³¹ Насонов А.Н. «Русская Земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

памятники, расположение которых совпадает с границами, реконструированными по летописным источникам XII–XIII вв.

Некоторые из таких «пограничных форпостов» могут быть интерпретированы как «дружинные лагеря». На северо-восточной границе, в районе Среднего Подесенья (к северо-востоку от так называемой Сновской тысячи) расположены Левенка и Кветунь – памятники, связанные с продвижением руси на территорию радимичей, а затем и вятичей. На правом берегу Днепра, севернее устья Сожа, расположена целая группа памятников с дружинными погребениями, вытянутыми по западной границе расселения радимичей (Мохово, Колпень, Сенское, Заужелье, Дубовицы, Козлово-Курганье, Гориводы). По всей видимости, здесь находились «пограничные» пункты Руси, которые должны были стать опорой для подчинения радимичей Киеву в конце X–XI вв.¹³²

На Правобережье Днепра, на границе древлян и Руси в бассейне р. Тетерев, известны два памятника с воинскими погребениями – Коростышев и Быково, где из предметов вооружения преобладают копья типа I¹³³. Учитывая распространенное мнение о скандинавском характере копий этого типа, можно осторожно предположить, что на границе с древлянами Киеву служили какие-то наемные скандинавские контингенты.

Крайним западным рубежом великокняжеского домена, если исходить из летописных данных XII–XIII вв., был Плеснеск (Подгорцы), где известны два богатых камерных погребения рубежа X–XI вв. Оба они парные (похоронены мужчина и женщина), включают представительный для этого этапа развития дружинных древностей набор оружия (меч, топор и кольчуга в одном погребении; меч и топор в другом) и содержат богатый погребальный инвентарь, среди которого золоченый и серебряный браслеты, золотой и серебряные перстни, серебряные височные кольца и нательные крестики¹³⁴. Важное значение этого памятника определялось не только его расположением на западной границе великокняжеского домена, но и прохождением здесь одного из вариантов «баваро-хазарского» пути через водораздел Западного Буга и Припяти. Это направление в целом было одним из приоритетных в политике Киева: в период, когда в Подгорцах появляются камерные погребения (в конце X – начале XI в.), киевские князья ведут на западе борьбу за «Червенские города».

В конце X в. и на протяжении XI в. появляются «дружинные лагеря»-крепости на границах со Степью. На южной границе «Русской земли», южнее устья р. Трубеж, в конце X в. появляется укрепленное городище Леплява, в некрополе которого также присутствуют воинские погребения. Здесь значительно преобладало мужское население (женские захоронения могильника едва достигают 30 %)¹³⁵. В XI в. в Поросье, на южной границе «Русской Земли», появляется достаточно крупный воинский лагерь – Яблоновка. Многие погребения могильника имеют явно кочевнические черты. По мнению авторов раскопок Яблоновки, это был дружинный лагерь, аналогичный по своему назначению более раннему Шестовицкому комплексу и возникший с началом интенсивного использования кочевых контингентов в целях обороны юга Руси¹³⁶.

Также известны памятники, созданные по инициативе центральной власти для контроля волоков и второстепенных речных путей. Одним из наиболее ярких примеров таких

¹³² Фетисов А.А., Щавелев А.С. Русь и радимичи: к истории взаимоотношений // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 282–289.

¹³³ Антонович В.Б. Древности Юго-Западного края. Раскопки в стране древлян // Материалы по археологии России. 1893. № 11. С. 43–44, 57.

¹³⁴ Населення Прикарпаття і Волині за дробі розкладу пер-віснообщинного ладу та в давньоруський час. Київ, 1976. С. 174.

¹³⁵ Шинаков Е.А. «Дружинные лагеря» // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X вв. Київ, 2004. С. 308–309.

¹³⁶ Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М. Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев, 1985. С. 55–56.

памятников является поселение на р. Кема в районе Белого озера. Отсюда начиналась система водно-волоковых путей, открывавшая дорогу в бассейн Онежского озера и Северной Двины. Около 30–40 гг. XI в. здесь, недалеко от устья р. Ковжа, появилось поселение, в котором жило примерно 70–100 человек. Задачей этого коллектива был контроль важного узла речных коммуникаций, сходящихся на Белом озере. Материалы могильника Кеми показывают, что мужская часть населения в два раза превосходила по численности женскую (на обычных поселениях доля мужчин и женщин примерно равна)¹³⁷. Этот коллектив проявлял значительную торговую активность – здесь сконцентрировано большое количество монетного серебра и привозных вещей, не имевших распространения в сельской округе региона. Во многих погребениях могильника найдено оружие, среди которого наиболее часто встречаются топоры. При этом среди погребенных с боевыми топорами мужчин нет ни одного старше 35 лет. Этот контрольный пункт на Кеме прекратил существование около 1070-х гг., когда политическая ситуация изменилась и необходимость в нем отпала¹³⁸. В пунктах, подобных поселению на Кеме, функции «дружинных лагерей» были выражены наиболее полно.

Облик дружинных курганов конца X – первой половины XI в. значительно отличается от воинских погребений X в., что связано с христианизацией и общей унификацией «дружинной культуры» (см. выше). Во всех случаях – это ингумации в могильных ямах; в подавляющем большинстве эти захоронения малоинвентарны или безынвентарны; по сравнению с X в. значительно изменяется набор вооружения – теперь это в основном топоры, реже встречаются копья, практически не встречаются стрелы.

Итак, по итогам нашего обзора можно обозначить основные вехи развития дружинной государственности Древней Руси. В IX–X вв. – территория будущей империи Рюриковичей представляет собой «лоскутное одеяло» славянских вожеств, владений разных скандинавских правителей и ищущих добычи дружин. Основная активность воинских отрядов сосредотачивается вокруг торговых путей – меридиональных – Волжского и Днепровского и широтного из Хазарии и Волжской Булгарии в Германию. Род Рюриковичей, поставивший под свой контроль «путь из варяг в греки», сумел в течение X в. ликвидировать другие, начавшие оформляться, династии (Чернигов, Смоленск-Гнездово, Полоцк, Туров) и в течение XI в. подчинить все восточнославянские племена, создав относительно единое государство. «Датой рождения» его может считаться либо время правления Владимира Святославича (980-е гг.), либо время правления двух братьев Владимировичей, Мстислава и Ярослава (1026 г.).

А «Сага о йомсвикингах» дает редкую возможность увидеть процессы становления ранних государств с точки зрения участников этого процесса – дружинников, которые и не подозревали, что были «пехотой великой войны», движущей силой грандиозного исторического процесса.

¹³⁷ Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М., 1990. С. 119.

¹³⁸ Там же. С. 121–124.

Сага о йомсвикингах

I

В Дании правил конунг по имени Горм¹³⁹, известный лишь своей бездетностью. Он был могущественным монархом, он был любим своими людьми. Когда произошла эта история, он уже долго управлял своей страной. В это же время жил в Германии ярл Арнфинн, который держал свое владение как фьеф от императора Карла¹⁴⁰. Арнфинн и Горм были друзьями и ходили в викингские походы вместе. У ярла была очень красивая сестра, которую он любил больше, чем ему следовало, и она родила ему ребенка¹⁴¹. Но это дело держалось в тайне, и ярл отослал младенца прочь, наказав посланным с ним людям не оставлять его до того момента, пока они не узнают, какая судьба его постигла. Они пришли в Данию, в лес, где, как они узнали, охотились конунг Горм и его дружинники. Они положили ребенка у подножия дерева и спрятались неподалеку. Когда наступил вечер, конунг вернулся домой со своей дружиной, за исключением двух братьев; одного из них звали Халльвард, а другого Хавард. Эти двое возвращались последними. Они выбрали путь по побережью и, услышав детский плач, направили свои шаги в этом направлении, чтобы узнать, в чем там дело. Они нашли мальчика у подножия дерева, на ветках которого висело большое полотнище. Ребенок был запеленут в покров из дорогой материи, а его головка была повязана шелковой лентой, на которой висело золотое кольцо. Дружинники подобрали ребенка и повезли его домой. Когда они вернулись, конунг пил, сидя за столом. Они рассказали конунгу о своей находке и показали ребенка. Король пришел в восторг от мальчика и сказал: «Это мальчик знатного рода и это хорошо, что вы его подобрали». Он крестил мальчика и назвал его Кнут в честь узла, которым было привязано золотое кольцо к ленте на его голове¹⁴².

¹³⁹ Конунг Горм – «мифический» дед Горма Старого, упоминается также в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика (Сахо, IX). Однако у Саксона отца Горма Старого зовут Харальдом, причем специально поясняется, что его свершения и подвиги «наполовину забыты». В «Саге о йомсвикингах» отца Горма Старого зовут Кнут. В обоих случаях, видимо, имена отца Горма Старого реконструированы средневековыми авторами, которые ориентировались на распространенный обычай называть внука в честь последнего умершего родственника, чаще всего деда (Успенский Ф.Б. *Имя и власть. Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии*. М., 2001; Успенский А.Ф., Литвина Ф.Б. *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники*. М., 2006. С. 31–70). Скорее всего, таким же образом реконструировано по аналогии с именем внука и имя деда Горма Старого – Горма. В обоих источниках упоминаются два сына Горма Старого – Харальд и Кнут. Судьбы сыновей Горма Старого в двух текстах в целом совпадают. Кнут гибнет, а Харальд наследует престол.

¹⁴⁰ Германский император Карл – речь идет о Карле Великом. Время правления Карла Великого является здесь условным и собирательным «эпическим временем», «славным героическим прошлым», неким сказочным доисторическим периодом. Однако Карл Великий (742–814 гг.), осуществляя экспансию на Запад, неоднократно выступал и как противник, и как союзник древнейших датских правителей.

¹⁴¹ Мотив инцеста – один из распространенных элементов эпического повествования, обычно в эпосе дети от incestуозных браков отличались исключительными качествами. В «Саге о Вельсунгах» брат и сестра Сигмунд и Сигни зачали наследника рода Вельсунгов, выдающегося героя Синфьетли.

¹⁴² Слово knútr означает «узел». Здесь в тексте контаминируются два мотива «оставленного ребенка» и «обретенного младенца-короля». Первый из них хорошо известен в качестве одного из основных мотивов волшебной сказки, второй в скандинавской традиции наиболее ярко воплощен в повествовании о происхождении норвежской династии Скильдингов (Скьельдингов), предка этой династии младенца-Скильда прибывает к берегу в лодке. Подразумевается, что Скильд прибывает из страны либо альвов, либо богов-асов. В «Саге об Инглингах» он назван сыном Одина, у Саксона Грамматика – внуком героя-эпонима Дана, в «Беовульфе» – сыном неизвестного Скева. В «Саге о йомсвикингах» к фольклорным мотивам добавлена «историзирующая» рационализация: ярл Арнфинн велит проследить, что станет с ребенком, вероятно, он заранее рассчитывает, что его подберет его друг Горм. А конунг Горм оценивает богатый инвентарь колыбели и делает вывод, что ребенок из хорошего рода и его стоит взять на воспитание. Кстати, и детализирующий мотив «роскошных пеленок» и «сопроводительных» драгоценностей присутствует и в рассказах о легендарном прародителе династии Скильде. Обычай «атальчества», т. е. передачи ребенка на воспитание, был широко распространен, однако, если это делалось официально,

Конунг нашел ему приемных родителей, которые горячо полюбили приемыша. Позже, в старости, конунг Горм даровал своему приемному сыну свои владения, после чего умер. Кнут стал править этими землями и был там почитаем.

У него был сын, которого называли Горм. Сначала его звали Гормом Глупым, но со временем – Гормом Старым или же Гормом Могущественным¹⁴³.

символически принимающий мальчика человек признавал себя уступающим в статусе его отцу. Так, например, сын норвежского конунга Харальда Прекрасноволосого Хакон (Добрый или Воспитанник Адальстейна) был обманом посажен на колени (обряд взятия на воспитания) английскому королю, который чуть не убил его, но испугался мести со стороны сыновей Харальда. Дядькой при Хаконе выступал некий Хаук Длинные Чулки, который и «провернул» эту интригу. Судьба Хакона удивительным образом напоминает биографию русского князя Владимира Святославича. Оба были сыновьями от рабыни, обоих воспитывали дядьки – Добрыня и Хаук. Оба были крещены и прославились как устроители своих государств.

¹⁴³ Горм Старый – легендарный конунг Дании, правил приблизительно между 936 и 950 гг. В настоящее время признается реальным основателем и первым правителем Датской державы. Он упоминается в исторических источниках (в хрониках Адама Бременского и Саксона Грамматика), также известен поминальный камень, который Горм воздвиг в память о своей жене Тюре, названной в высеченной на камне эпитафии «красой Дании». Известен и раскопан курган Горма, останки которого его сын Харальд Синезубый перенес в церковь и, вероятно, посмертно окрестил. На стеле, воздвигнутой Харальдом, также упоминаются Горм и Тюра: «Конунг Харальд воздвиг этот камень по своему отцу Горму и своей матери Тюре. Харальд подчинил себе всю Данию и Норвегию и обратил всех данов в христианскую веру». Обычай крещения останков правителей и перенесения их в храмы зафиксирован на Руси, в 1044 г. были крещены и перенесены в Десятинную церковь останки братьев Владимира Святого Ярополка и Олега, погибших в княжеской распре. Строительство первых церквей на месте элитных погребальных комплексов практиковалось и на Руси, именно на месте дружинного могильника была возведена Десятинная церковь в Киеве (Михайлов К.А. Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная // Российская археология. 2004, № 1. С. 35–45).

II

В Хольмстейне тогда правил ярл именем Харальд, известный как Харальд Умник, он был мудрым человеком. У него была дочь по имени Тюра, которой не было равных ни в красоте, ни в толковании снов. Он ее горячо любил и в управлении страной полностью полагался на ее советы.

Когда Горм вырос и принял правление над страной, он собрал большую армию на границе с Хольмстейном, с намерением просить руки дочери ярла Харальда. В случае отказа он собирался опустошить его землю¹⁴⁴. Но когда ярл Харальд и его дочь услышали о приближении конунга Горма и его намерениях, они послали людей встретить его и пригласить на пиршество. Конунг принял это приглашение. Когда Горм сделал свое предложение ярлу, тот ответил, что Тюра должна решать сама, «так как она много умнее меня». Тогда конунг обратился со своим предложением к ней. Она дала такой ответ: «Я не буду принимать решение сразу. Сначала ты должен вернуться домой с дорогими и почетными дарами. И если ты действительно хочешь на мне жениться, то, когда вернешься домой, ты должен построить дом, такой, в котором тебе подобает спать, там, где раньше не стояло никаких построек. В этом доме ты должен спать первые три ночи зимы. Если тебе что-нибудь приснится, запомни точно, что, и дай мне знать об этом. Тогда я отвечу твоим послам, приезжать ли тебе за мной как невестой, или же нет. И ты можешь не приезжать, если тебе ничего не приснится»¹⁴⁵.

Так конунг Горм и отправился восвояси, с великолепными подарками и стал нетерпеливо ждать подходящего момента проверить ее мудрость. Вернувшись домой, он точно выполнил все ее наставления. Он проспал в новом доме три ночи в начале зимы, приказав трем сотням своих людей быть при этом на чеку на случай предательства¹⁴⁶. Затем конунг послал людей к ярлу пересказать им с дочерью свои сны. Когда она услышала о его снах, то велела людям конунга передать ему, что выйдет за него замуж. Послы рассказали конунгу, как все вышло, и он был в восторге от этих новостей. Он быстро собрался выступить с большим войском, приказав своим людям готовить свадьбу. Так он прибыл в Хольмстейн. Когда ярл Харальд услышал о его прибытии, то приготовил пир горой ради этого, и свадьба была отпразднована.

¹⁴⁴ Агрессивное сватовство – реальность традиционного общества и один из центральных эпических мотивов. Мотив агрессивного сватовства является одним из инвариантов древнейшего «бродячего сюжета» «борьбы за женщину». Самый известный пример в русской летописной традиции – сватовство киевского князя Владимира Святославича к византийской царевне Анне (ПВЛ.С. 50). Владимир свое сватовство начал с осады и взятия города Корсунь, и только после этого начал переговоры о свадьбе с византийском двором.

¹⁴⁵ Перед нами контаминация общефольклорных мотивов вещего сна и гадания о суженой (ср. русскую пословицу «На новом месте – невеста снится»). У Саксона Грамматика приведен другой вариант, согласно которому Тюра просит Горма не лишать ее девственности в первые три ночи после свадьбы, в течение которых она видит вещие сны (Saxo, IX).

¹⁴⁶ Возможно, перед нами рудимент более ранней версии сюжета, в котором конунг строил дом и спал в нем, не уезжая из земли ярла. В этом случае строительство дома и три ночи в нем были предсвадебными испытаниями жениха.

III

На свадебном пиру они развлекали друг друга так: конунг Горм рассказывал свои сны, а невеста конунга Тюра толковала их. В первую ночь, сказал конунг, ему приснилось, что он стоит вне дома и смотрит на свои владения. Ему казалось, будто бы море отхлынуло от берегов так далеко, что он уже не мог видеть воды, и все проливы и фьорды высохли. Затем он увидел трех белых быков, выходящих на сушу из моря. Быки съели всю траву на земле и после этого исчезли назад в море. Во втором сне ему почудились другие три быка, на сей раз багрово-коричневые. У них были огромные рога, которыми они прокладывали себе путь в море на пути к земле. И они втроем съели всю траву на берегу и вернулись в море. В третьем сне конунг увидел других трех быков, выходящих из моря. Они были черные, и были больше прежних, с огромными рогами. Они также съели всю траву на земле, и ушли обратно в море. И он услышал такой громкий треск, что, казалось, его можно было услышать в любом уголке Дании. Он понял, что этот звук вызвало море, возвращаясь в свои берега. «А теперь, моя невеста, – сказал Горм, – я хочу, чтобы ты истолковала мои сны на развлечение гостям!» Она согласилась и ответила: «Когда три белых быка вышли из моря на берег, это предвещало приход трех зим с такими суровыми морозами, что в Дании пропадет весь урожай. Когда же следующие три быка, багрово-коричневые, вышли, это значило, что будут еще три зимы почти без снега и это в свою очередь не сулит ничего хорошего. Приход же черных быков знаменовал еще три зимы, которые будут столь тяжки, что никто не припомнит страшнее. И наступит такой голод, ужаснее которого не придумаешь. Огромные рога быков означали, что многие лишатся всего своего добра¹⁴⁷. Потом ты слышал грохот, когда пошел отлив: это значит, Дания станет ареной борьбы сильных мужей, которые очень близки тебе. Если бы тебе приснился в первую ночь сон третьей ночи, война бы разгорелась в твою жизненную пору, и я бы за тебя не вышла бы замуж. Ну, а к голоду я приготавлиюсь»¹⁴⁸.

¹⁴⁷ Рог в традициях индоевропейских народов считался символом изобилия, поскольку рог был метонимическим символом быка. Питьевые рога – ритоны – были широко известны у разных народов в Евразии, в том числе у скандинавов.

¹⁴⁸ Образ быка в индоевропейской традиции был связан с культом плодородия.

IV

Конунг Горм послал к ярлу Харальду с приглашением на пир по случаю йоля¹⁴⁹, которое ярл каждый раз принимал. Посланцы конунга вернулись домой, а ярл стал готовиться к путешествию. Когда он со своими людьми достиг Лимфьорда, то они заметили там странное дерево. На нем они разглядели зеленые яблочки и цветок. Ярл сказал: «Перед нами просто чудо для такого времени года, ведь мы уже видели большие румяные яблоки здесь в разгар лета. Давайте вернемся»¹⁵⁰. Так они и сделали. Ярл остался на сей раз дома.

Конунг был озадачен, когда ярл не явился к нему на праздник. Через год он опять послал людей к ярлу со сходным приглашением, которое ярл принял. Когда же он со своими людьми прибыл в Лимфьорд, то они увидели множество собак за бортом корабля. Во чреве ближней собаки лаяли щенки. Услыхав их лай, ярл сказал, что это большое чудо и что надо вернуться домой. Так они и сделали.

Прошла зима, и на третий год конунг послал людей пригласить ярла на пир середины зимы, и тот согласился приехать. Доплывши до Лимфьорда, он увидел две волны, идущие навстречу друг другу, а море при этом окрасилось кровью. «Это большое чудо. Возвращаемся», – сказал ярл. И этот йоль они провели дома.

Конунг Горм был разгневан из-за того, что ярл опять пренебрег его приглашением. Он решил отомстить ярлу и его стране за оскорбление. Когда жена конунга Тюра слышала об этом, она сказала, что нападение на ярла до добра не доведет. И добавила, что знает план получше. Конунг послушал ее. Посланцы были отправлены к ярлу, дабы узнать причины его отсутствия. Ярл немедленно прибыл к конунгу, который принял тестя учтиво. Они немедленно начали разговор. Конунг спросил, что же помешало ярлу приехать раньше, и почему он так его оскорбил, пренебрегая приглашениями. Ярл ответил, что сделал это не из вражды к конунгу, но совсем по иным причинам. Он поведал конунгу обо всех чудесах, им увиденных. «Сказать ли тебе, о, конунг, что значат все эти странные события?» – спросил ярл¹⁵¹. Конунг согласился послушать.

Ярл сказал: «Я впервые увидел чудо с зелеными яблоками, которые росли на дереве в середине зимы, в то время как старые яблоки валялись в снегу. Я думаю, это предвещает смену веры в этих землях. Красота зимних яблок говорит о том, что новая вера будет прекрасна, а старые верования уйдут, как уходит снег. Второе чудо, – когда щенки лаяли в утробе матери, предвещает, что юноши потеряют уважение к старшим и станут дерзкими. Быть может, тогда они больше станут влиять на управление государством, чем старшие мужи, хотя последние гораздо мудрее. Но я не думаю, что дерзкое поколение уже родилось, потому что щенки еще не появились на свет. Потом мы столкнулись с кровавой бурей на море, вызванной двумя сшибшимися волнами. Это предвещает столкновение двух великих людей здесь, в этой стране, которое приведет к великой войне и жестоким боям, которые, может быть, начнутся именно в этом фьорде»¹⁵². Конунг понял слова ярла и решил, что он говорил мудро.

¹⁴⁹ Праздник середины зимы у скандинавов, день зимнего солнцестояния, в христианское время совпадал с Рождеством Христовым.

¹⁵⁰ Мотив «внеурочного цветения» – типично сказочный, современному читателю он известен по сказке «Двенадцать месяцев».

¹⁵¹ В предыдущем случае в качестве толковательницы слов и активной героиней выступила Тюра, а ярл отказывается решать вопрос с женитьбой. В этот же раз в качестве знатока толкований выступает ярл. В саге дублируются образы «мудрой невесты» и «мудрого тестя». Возможно, перед нами следы сводки нескольких версий в одной саге.

¹⁵² Мотив выдвижения «юных» и отлучение от власти старых мужей присутствует в «Повести временных лет» и в Предисловии к Новгородской первой летописи, отражающем Предисловие к реконструируемому текстологами «Начальному своду» 90-х гг. XI в., предшествовавшего ПВЛ. Такие мотивы отражают процесс превращения дружины из «братства воинов», ориентированного на вождя, в страту раннефеодального общества, со своей внутренней иерархией. Одновременно

Разговор их кончился. Конунг больше не гневался, но все же решил, что настоящая причина отсутствия ярла на прежних празднованиях йоля – неуважение, и послал людей в засаду, чтобы те убили ярла. Ярл оставался в гостях, пока конунг этого хотел, а затем поехал домой.

меняются задачи дружинников, кроме воинской службы и торгово-дипломатических миссий, они начинают все больше выполнять задачи «функционеров» раннего государства. В некрологе князю Всеволоду Ярославичу (ум. 1093) летописец, передавая мнение старой дружинной знати, отмечает: «[Всеволод] нача любити смыслъ уных, светъ творя с ними, си же начаша заводити и негодовати дружины своея первыя и людем не доходити княже правды, начаша ти унии грабити, людей продавали...» В Предисловии к Начальному своду, созданному примерно в это же время, звучат аналогичные «ноты» протеста против «феодальной действительности»: «[древние князья и их мужи] не збираху многа имения ни творимых вирь ни продаж въскладаху на люди но оже будяше правая вира а ту возмя дааше дружине на оружье». В «Саге об Эгиле Скаллагримссоне» описывается «образцовая феодальная карьера», которую сделал сын Эгиля Торольв в войске Харальда Прекрасноволосого (сын Хальвдана Черного, норвежский конунг в 863–928 гг.). Очень характерно, что Эгиль не одобряет выбор сына, в саге отмечается, что, став королевским ленником, Торольв попытался занять место более достойное, чем его отец и старший брат. Таким образом, новые возможности социальной мобильности, которые предоставляет правитель, одновременно отчуждают дружинника от родовых связей (*Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 59–62).

V

Немного времени спустя ярл Харальд даровал свои владения приемному сыну Кнуту. Сам же отправился странствовать и где-то в пути принял христианство. И больше не возвращался в свою родную страну.

Когда Харальд, сын Горма, стал подрастать, он все больше перечил отцу. Харальд снаряжал корабли и уходил в викингские походы, хотя зимовать возвращался в Данию.

В то время Ательстан был королем Англии – добрым и прославленным правителем¹⁵³. В конце его правления в Англию вторглась датская армия во главе с Кнутом и Харальдом, сыновьями Горма, и грабила во всех уголках Нортумбрии. Они покорили большую часть королевства и объявили, что эта земля – их наследство от сыновей Рагнара Кожаные штаны¹⁵⁴ и прочих их предков. Король Ательстан собрал большую армию и двинулся с нею на братьев. Он нагнал их севернее Кливленда и увидел множество данов. Сыновья Горма шли побережьем Скарброу, где они и сразились с Ательстаном и победили. После чего они собрались идти на юг, к Йорку. Тогда многие англичане присоединились к войску братьев, и те почувствовали себя всемогущими. В один прекрасный день, когда жарко палило солнце и оба короля и их люди плавали между кораблями, на берег высыпали вражеские воины и осыпали их стрелами. Кнут был смертельно ранен и поднят на борт. Когда англичане прослышали про это, то собрали многочисленную армию. Вскоре к ней прибыл и король Ательстан. Присоединившиеся было к викингам местные воины вернулись обратно к нему, и получилось, что даны уже не посмели высадиться в Англии из-за усилившегося ополчения англичан. Поэтому-то даны ушли восвояси.

В это время конунг Горм оставался в Ютландии. Харальд немедленно направился туда и поведал все своей матери. Конунг Горм поклялся, что если он еще раз услышит о смерти своего сына Кнута, то Харальд и его люди, которые принесли весть об этом, умрут. Жена конунга повесила в комнатах серые занавеси. Все люди в зале замолкли, когда конунг занял свое место и спросил: «Почему все молчат? Есть ли новости?» Жена конунга сказала: «Государь, у тебя было два ястреба, белый и серый. Белый полетел далече, стая ворон напала на него и стала клевать и рвать. И теперь белого нет, но серый вернулся, и он добывает пищу для твоего стола». И сказал конунг Горм: «Убыло мощи Дании, коли погиб мой сын Кнут». Жена конунга ответила: «Правду сказал, о, король». И все согласились с этим. Конунг Горм заболел и умер на следующий день. Он правил сто лет. Огромный курган насыпан над ним¹⁵⁵.

Харальд был признан королем всеми подданными его отца. Он справил великую тризну по отцу и жил мирно.

¹⁵³ Этельстан – английский король Этельстан (ок. 895 – 27 октября 939 г.), правил с 924 г.

¹⁵⁴ Рагнар Кожаные Штаны – сын Сигурда Кольца, IX в., легендарный викинг, прославился походами на Англию и Францию. Был взят в плен англичанами и брошен в яму со змеями.

¹⁵⁵ Курган Горма был хорошо известен в историческое время – его сын Харальд Синезубый после принятия христианства эксгумировал тела отца и матери Тюрю и переместил их в могилу в нововозведенной церкви. До этого Горм и Тюрю были похоронены в одном кургане в общей погребальной камере. Тюрю «краса Дании» умерла раньше мужа, который поставил в ее память поминальный камень. Харальд Синезубый тоже воздвиг подобный камень по своим родителям.

VI

В это время в Норвегии правил Харальд Серый Плащ¹⁵⁶ и Гуннхильд, его мать. Ярл Хакон Сигурдарсон покинул эту землю на десяти кораблях и избрал долю викинга. Осенью он прибыл в Данию и просил дружбы конунга Харальда. И тот одарил его дружбой конунга. Ярл и его сто двенадцать человек провели зиму у конунга.

У Кнута, сына конунга Горма, остался сын Харальд, известный как Харальд-Чайка. Он вернулся из викингского похода чуть позже Хакона, с десятью кораблями и грудой сокровищ. Он также присоединился к дружине конунга. Зимой конунг Харальд Гормссон и ярл Хакон задумали набег на владения Харальда, конунга Норвегии и его матери Гуннхильд. И весной они вошли войной в Лимфьорд и его конунг был зарублен Харальдом-Чайкой, как это рассказывается в «Саге о конунгах». Но затем Харальд-Чайка сам был повешен ярлом Хакон. После этого ярл Хакон стал править Норвегией единолично, но платил дань Дании¹⁵⁷.

Вскоре после этого император Оттон¹⁵⁸ пришел из Германии в Данию с огромной армией, ему помогал Олав Трюггвасон¹⁵⁹. Они заставили короля Харальда и ярла Хакона принять христианство, и вся Дания перешла в новую веру. Но ярл быстро вернулся к обычаям предков, и Норвегия больше не платила дань Дании.

¹⁵⁶ Харальд Серый Плащ, сын Эйрика, норвежский конунг в 960–965 гг.

¹⁵⁷ Хакон Могучий, сын Сигмунда, первоначально ярл Хладира, норвежский правитель (ок. 970–995, ум. 995).

¹⁵⁸ Оттон – германский император Оттон II (правил с 973 по 983 г.). Война между Харальдом и Оттоном II закончилась прорывом Датского вала и поражением Харальда.

¹⁵⁹ Олав Трюггвасон – родился примерно в 968 или 969 г., погиб в сражении в 1000 г., норвежский конунг в 995–1000 гг. Был одним из самых знаменитых конунгов и воинов (в сагах отмечается его умение метать сразу два копья обеими руками) своего времени. Отец Олава был убит в борьбе за власть с сыновьями Эйрика Кровавой Секиры. Олав совершил походы практически во все уголки тогдашней ойкумены – в Англию, Ирландию, Уэльс, Францию, на Русь (где служил при дворе русского князя Владимира Святославича и способствовал крещению Руси), на побережье Балтики. Около 995 г. он принял христианство. Примерно в это же время он захватил норвежский престол, изгнав ярла Хакона. Примерно в 999 или 1000 г. Олав погиб в морском сражении, проиграв объединенному войску датского конунга Свейна, шведского конунга Олава Шетконунга и ярла Эйрика, сына ярла Хакона. Однако после его смерти ходили рассказы, которым, впрочем, не доверял уже Снорри Стурлусон, что Олав спасся и уплыл на корабле в Вендланд. Предводитель йомсвикингов Сигвальди прибыл на бой в составе войска Олава Трюггвасона, но предал его и в битве не принял участие, что в очередной раз спасло ему жизнь.

VII

В области Дании под названием Фюн жил человек по имени Токи. Его жену звали Торве. У него было два сына, старшего звали Аки, младшего Палнир. Еще один его сын, старше их, но незаконнорожденный, звался Фелнир. Токи был стар и скоро заболел и умер. За этим вскоре последовала и смерть его жены. Два брата – Аки и Палнир поделили наследство, а Фелнир спросил, что же достанется ему? Они были готовы отдать ему треть скота, но не земли, поскольку и такую долю считали щедрым даром для него. Но Фелнир потребовал треть от всего, как будто законный сын и наследник их отца. Братья отказали. Фелнир ушел ни с чем и стал дружинником и советником конунга Харальда¹⁶⁰. В этой роли он был мудр, коварен и язвителен. Он начал наговаривать на Аки конунгу. В то время никто из благородных мужей не пользовался таким уважением, как Аки Токиссон. Каждое лето он уходил в викингские походы и почти всегда побеждал. Фелнир нашептывал конунгу, что тот не может самовластно править Данией, пока Аки Токиссон жив. Он так ловко оговаривал Аки, что конунг очень на того гневался.

Готланд был местом, где Аки всегда ждал дружественный прием, он очень дружил с тамошним ярлом Оттаром. Однажды он отправился туда на пир, взяв два корабля и сто двенадцать человек, богато одетых и хорошо вооруженных. Ярл одарил его чудесными дарами. После чего он возвращался домой. Только конунг Харальд услышал, что Аки недалеко, он снарядил десять кораблей с шестьюстами воинами и велел им подстеречь Аки на обратном пути и убить его и его людей. Люди конунга устроили засаду. Аки и его воины не ждали этого. Противники ворвались на корабль Аки, подрубили мачты и сбросили на людей Аки паруса и поубивали их по одному. Всю добычу они отвезли своему конунгу, который обрадовался и сказал, что теперь Аки не помешает ему править единолично. Фелнир радовался, что так вышло, – теперь его месть братьям за несправедливый дележ наследства совершена.

¹⁶⁰ Изгои – люди, изгнанные из рода за различные преступления или добровольно разорвавшие родовые связи. Изгои были первостепенными кандидатами в дружинники первых правителей. Характерно, что Русская Правда при оценке жизни разных категорий населения выделяла дружинников-«русинов» («гридей», «ябетников», «купчин»), т. е. окружение князя; «словен», т. е. представителей славянских «племен»; и «изгоев», уже не принадлежащих роду, но еще не попавших в этно-социальную категорию «русь».

VIII

Печальные новости достигли области Фюн, и когда Палнир услышал их, то затаил злобу глубоко в своем сердце. Хотя решил, что отомстить такому человеку, как конунг, задача слабо исполнимая.

Был такой мудрый и богатый человек по имени Сигурд – молочный брат этих братьев. Палнир просил у него совета, как ему быть дальше. Сигурд сказал, что он попросит руки женщины для него. Когда Палнир поинтересовался, кто же она, тот ответил, что это Ингеборг, дочь ярла Оттара из Готланда. Палнир ответил: «Я боюсь, что не получу этой женщины, но я попробую посвататься к ней, потому как, если я все-таки добьюсь ее руки, у меня появится возможность отомстить». Сигурд был готов к путешествию на Готланд. Взяв корабль и 60 человек, он отплыл на север, в Готланд. Сигурд рассказал о своих намерениях ярлу и просил руки его дочери для Палнира. Он добавил, что Палнир ничего не потерял в Фюне и что он на пороге смерти от своей печали. Все закончилось тем, что ярл дал свое согласие и разрешил сыграть свадьбу в Дании. Сигурд возвратился домой и рассказал обо всем Палниру, который выслушал его с радостью и удивлением.

Они подготовили грандиозный пир в Фюне и не считались с затратами. Ярл с сопровождающими лицами прибыли в срок, и свадьбу отпраздновали очень достойно. Затем Палнир и Ингеборг возлегли на брачное ложе. Она вскоре заснула и увидела сон, который поведала наутро Палниру. «Мне приснилось, что я стою здесь, в этом доме, и на мне серая, как тень, одежда. К ткани, что я пряла, были привязаны грузила. Когда один из них упал, я увидела, что это человеческая голова. Я узнала эту голову». Когда Палнир спросил ее, чья же это оказалась голова, Ингеборг сказала, что конунга Харальда Гормссона. Палнир заключил: «Этот сон скорее хорош, нежели плох». «Я тоже так думаю», – ответила она.

Когда пир кончился, ярл Оттар с большими подарками уехал назад в Готланд.

IX

Палнир и Ингеборг сильно полюбили друг друга. У них родился сын, названный Пальнатоки. Он вырос в Фюне и с ранних лет был силен, умен и знаменит. Пальнатоки едва достиг совершеннолетия, как его отец заболел и умер. Он с матерью стали заниматься хозяйством. Каждое лето он уходил в набеги и прославился – в этом он походил ни на кого другого, как на своего дядю Аки.

В это время в Уэльсе правил ярл Стефнир, у него была мудрая и знаменитая дочь Алов. Пальнатоки высадился в Уэльсе и начал разорять земли Стефнира. Когда об этом услышала Алов, она и Бьерн, ее советник уэльсец, решили пригласить Пальнатоки на пир и воздать ему большие почести. Они предложили также, чтобы он считал их своими союзниками и не разбойничал бы на их земле. На пиру Пальнатоки попросил руки Алов, и она согласилась. Пир превратился в свадебное торжество, и Стефнир сделал Пальнатоки ярлом и дал ему половину своих владений, а остальным завещал ему владеть после своей смерти. Пальнатоки жил там лето и зиму. Но как пришла весна, он сказал Бьерну Уэльсцу: «Я собираюсь отправиться домой в Данию, но я хочу, чтобы ты остался править здесь вместо меня». После чего Пальнатоки и его жена Алов переехали в Фюн, что в Дании. Там он жил в своих владениях, и его считали вторым после конунга по достоинству, власти и мудрости.

Х

Конунг Харальд объезжал свои земли¹⁶¹. Пальнатоки приготовил пир, на который пригласил конунга и тот принял приглашение. Они долго пировали. Женщина по имени Аса, известная как Саум-Аса¹⁶², прислуживала конунгу. Она была бедна и глупа. Конунг покинул пир с богатыми дарами. Следующим летом Саум-Аса оказалась беременна и Пальнатоки спросил ее, кто отец ребенка. Та ответила, что это не кто иной, как конунг. «Тогда ты не будешь работать, пока дитя не родится», – решил Пальнатоки. Она родила мальчика, которого назвали Свейн, и он стал известен как Свейн, сын Саум-Асы¹⁶³. Он вырос в Фюне, и Пальнатоки заботился о нем.

Когда Свейну было три года, старый конунг Харальд приехал в Фюн на пир. Пальнатоки с Саум-Асой придумали некий план. Весь день конунг сидел за столом, и вот Аса подошла к нему, ведя мальчика, и сказала: «Великий конунг, у меня вот есть сын и я объявляю, что никто, кроме вас, не может считаться отцом ему». Конунг тут же спросил, кто она. Она назвалась. Тогда конунг заявил: «Ты грубая, глупая женщина, больше никогда не говори такого, а то тебе придется плохо». Пальнатоки вмешался в разговор и заявил: «Если она думает, что это правда, почему бы ей, о, конунг, не сказать об этом. Она не худшая из женщин, и ради вас же самого я беру ее под защиту». Конунг ответил: «Не думал я, что ты примешь не мою сторону в этом споре. Ну да ладно». Пальнатоки добавил: «Я воспитал его так, как следовало бы воспитать твоего сына». Конунг ответил: «Не могу сказать, что я благодарен тебе за это». «Это ничего не значит, – заявил Пальнатоки. – Давай закончим разговор».

Конунг уехал на сей раз без даров, и отношения у него с Пальнатоки стали натянутыми. Вскоре Алов родила сына, названного Аки. Он вырос с отцом в Фюне.

¹⁶¹ Вейцла – объезд земель, сбор дани и кормление дружины конунга, аналогичен по своим функциям древнерусскому полюдью (об этом типе «блуждающего государственного аппарата» см. подробнее: *Кобищанов Ю.М.* Полюдь: явления отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995).

¹⁶² Это имя и прозвище можно перевести как Аса-Черная или Аса-Коготь.

¹⁶³ Именование внебрачных детей по матери известно и в Древней Руси, например, сына галичского князя Ярослава Владимировича звали Олег Настасьич, по имени его матери Анастасии из боярского рода Чагров.

XI

Свейн оставался в Фюне, пока ему не исполнилось пятнадцать лет. Потом Пальнатоки велел ему отправляться на поиски его отца конунга, требовать у него людей себе в отряд и провозглашения всем людям, что Свейн его сын, а понравятся Харальду такие требования или нет, не имеет значения. Свейн поступил в согласии с советом своего отчима. Конунг Харальд ответил ему: «Я вижу по тебе и по твоим словам, что истории о твоей матери не лживы. Ты глуп и слаб». На это Свейн отвечал: «Я бы и рад был иметь более знатную мать, да вот ты не помог мне в этом. А я ведь, без сомнения, твой сын. Теперь ты дашь мне три корабля, а мой отчим еще три. А если ты мне их не дашь, то я отомщу тебе, как смогу и как позволит судьба».

Конунг ответил: «Я думаю, что, выполнив твою просьбу, я раз и навсегда отделаюсь от тебя». Так Свейн получил три корабля и 120 человек от конунга, а Пальнатоки дал ему еще три корабля. Остаток лета Свейн разбойничал во владениях отца, бонды очень жаловались на его бесчинства, но конунг ничего не предпринимал. Так продолжалось до осени, пока Свейн не отправился в Фюн, провести зиму у Пальнатоки.

Когда пришла весна, Свейн снова нашел конунга Харальда, и все повторилось, как в прошлом году. Свейн получил еще 6 кораблей у конунга и 6 у Пальнатоки. И опять Свейн опустошал владения отца, но теперь еще яростней и беспощадней. Он грабил области Сьеланд и Халланд и убил многих людей. Новости об этом разносились далеко. Бонды отправились к конунгу жаловаться на свои несчастья. Но конунг ничего не сделал, чтобы им помочь. А Свейн опять возвратился по осени к Пальнатоки и зимовал у него.

Когда пришла весна, Свейн собрался в поход и снова последовал совету отчима. Он нашел конунга и потребовал 12 кораблей. Тот произнес: «Ты настолько храбр, что я не знаю равного тебе, – ты осмелился прийти ко мне, будучи убийцей и вором. Но я никогда не приму тебя к себе и не признаю сыном». Свейн ответил: «Разумеется, я твой сын, никто не будет этого отрицать. И не жалею своих кораблей. А не то, коль мне откажешь, я завоюю все вокруг, а ты не уйдешь отсюда подобру-поздорову».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.